

ПРОТОКОЛ СУББОТЫ

ЕГОР ТАЙГИН

Егор Тайгин

Протокол субботы

«Автор»

2026

Тайгин Е.

Протокол субботы / Е. Тайгин — «Автор», 2026

Судебный медик Анна Решетникова возвращается в родной Липовск и в первый же день получает дело о смерти ревизора дачного кооператива. Старшая коллега уверенно называет время смерти, а главный подозреваемый в этот час числится на смене скорой. Но тело говорит другое: падение произошло уже после смерти, помещение было прогрето, а чужое алиби держится на неофициальной подмене фельдшеров. Расследование выводит Анну к делу восьмилетней давности, подписи собственного отца и наставнице, которая привыкла исправлять документы «из жалости». Чтобы освободить невиновного, Анне придётся разрушить его ложное алиби, отделить медицинский вывод от удобного обвинения и доказать, что право на позднее исправление не делает нынешнюю ложь менее опасной. «Протокол субботы» — современный детектив о судебной медицине, цене защитного молчания и правде, которая начинается с честно обозначенных границ.

© Тайгин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Старый медпункт	6
Чужой интервал	11
Стул после смерти	17
Дом на продажу	23
Субботняя ведомость	28
Два фельдшера	33
Первая проба	41
Ревизор без папки	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Егор Тайгин

Протокол субботы

От автора

Протокол кажется окончательным документом: подпись, дата, точная формулировка. Но за каждой строкой стоят наблюдения, методы и человек, способный ошибиться или решить, что сострадание даёт ему право изменить факт.

Этот роман — о границе между помощью и подлогом. Судебная медицина здесь не угадывает виновного и не заменяет следствие. Она проверяет, какие версии выдерживают материальные признаки, а где профессиональный авторитет лишь делает ложь убедительнее.

Все герои, учреждения и события вымышлены. Медицинские детали служат логике детектива и не являются практическим руководством.

Старый медпункт

Медпункт в «Липках» открывали только по субботам. В остальные дни на двери висел выцветший лист с телефоном фельдшера, а за стеклом темнели две кушетки, шкаф с бинтами и плакат о клещах. Когда Анна Решетникова приехала, дверь была распахнута, хотя суббота закончилась почти три часа назад.

У крыльца стояли полицейская машина и старая «скорая» без опознавательных знаков. Дождь собирался в выбоинах, с водонапорной башни падали крупные капли.

— Решетникова? — спросил мужчина в тёмной куртке.

— Да.

— Жданов, следственный отдел. Ваша заведующая внутри.

Он не протянул руку: на пальцах были перчатки. Анна показала удостоверение и остановилась у порога.

— Кто входил после обнаружения?

— Сторож, председатель, фельдшер Нестеров. Потом патруль и медики. Список ведём.

— Тело перемещали?

— Фельдшер проверял признаки жизни. Говорит, коснулся шеи и плеча, больше ничего.

— Кто нашёл?

— Сторож. Увидел свет около девяти сорока.

Жданов говорил без попытки заранее объяснить увиденное. Это Анне понравилось. За десять лет в областном бюро она привыкла, что к её приезду смерть уже получает удобный глагол: упал, замёрз, задохнулся, напился. Потом приходилось возвращать глагол в состояние вопроса.

В тесном коридоре пахло влажной штукатуркой и медицинским спиртом. Отопление работало слишком сильно. Чугунная батарея обжигала воздух, окно было приоткрыто.

Галина Меркулова стояла у письменного стола. За четыре года, пока они не виделись, она поседела и стала ниже, словно тяжёлый халат тянул плечи вниз. Но очки на цепочке, быстрый наклон головы и привычка держать ручку колпачком наружу не изменились.

— Наконец-то, — сказала она. — Я думала, твоя машина опять не заведётся.

— Машина отца. Завелась.

Меркулова на мгновение смягчилась.

— Как дом?

— Стоит.

Они обе поняли, что разговор об отце на этом закончен. Меркулова указала на человека у кушетки.

Виктор Лобанов лежал на боку возле перевернутого стула. Ему было около пятидесяти пяти. Куртка расстёгнута, ворот рубашки смят. Правая рука вытянута к ножке стола, левая оставалась под туловищем. На виске темнела ссадина.

Первое впечатление было простым: человек поднялся на стул, потянулся к верхней полке, потерял равновесие и ударился.

Для этого впечатления всё лежало слишком аккуратно.

На верхней полке не было ничего, что требовалось доставать. Коробки с перевязочным материалом стояли у задней стенки, пыль перед ними оставалась ровной. Стул упал сиденьем к кушетке, но одна его ножка находилась под краем куртки погибшего. Если стул опрокинулся вместе с человеком, куртка должна была лечь поверх ножки или рядом, не под неё.

Анна надела защитный комплект и присела у тела, не касаясь.

— Температуру помещения фиксировали при входе?

Жданов показал снимок переносного прибора: двадцать семь и восемь.

— Окно было открыто?

— Нет. Открыл патрульный, стало душно. Через две минуты я велел закрыть, потом специалист приоткрыл для съёмки конденсата.

— Батарея?

— Работала на максимуме.

Меркулова протянула ей лист осмотра.

— Температура тела на момент моего приезда тридцать четыре и одна. Трупные пятна слабые, окоченение начальное. Предварительно смерть между восемью и девятью вечера.

Анна не взяла лист.

— Какая температура была здесь до открытия двери?

— Жарко. Ты же видишь.

— Насколько жарко и как долго?

— Не будем устраивать диссертацию на месте. Плюс-минус час для первичного осмотра достаточно.

Когда Анна была ординатором, Меркулова учила её обратному: точность числа не должна быть выше точности метода. Тогда эта фраза казалась правилом, которое старшие соблюдают сами.

— Откуда нижняя граница восемь? — спросила Анна.

— Лобанова видели живым в семь пятьдесят. В девять сорок нашли. Температура укладывается.

— Это границы по свидетельствам, не по температуре.

— Для предварительного вывода разницы нет.

— Есть. В одном случае тело говорит, в другом люди.

Жданов перевёл взгляд с одной женщины на другую.

— Мне пока записывать широкий промежуток от последнего наблюдения до обнаружения?

— Записывайте факты, — сказала Анна.

— Записывайте с восьми до девяти, — одновременно произнесла Меркулова.

Пауза получилась короткой, но её хватило, чтобы прежние отношения заняли всё тесное помещение. Меркулова была заведующей. Анна формально ещё числилась прикомандированной на три месяца и не разобрала половину коробок в отцовском доме.

— Исследование уточнит, — сказала Меркулова уже мягче. — Сейчас важнее очевидная травма головы.

Анна осмотрела ссадину на виске. Края были бледными, припухлости почти не было. По одному наружному виду нельзя было уверенно назвать повреждение посмертным, но оно плохо объясняло смерть.

Под воротником проходила узкая красновато-бурая полоса. Спереди она терялась возле верхней пуговицы, сбоку поднималась не так, как ожидалось бы от свободной петли. На коже оставались мелкие прерывистые отпечатки ткани.

— Ворот расстёгивал Нестеров? — спросила Анна.

— Да, — ответил Жданов. — Он говорит, одна пуговица уже отсутствовала.

— Где она?

Фотограф показал пакет с белой пуговицей, найденной у стены. Нитки на ней не было.

Анна попросила снять крупно ворот, полосу на шее и манжеты, затем осмотрела пол. Между ножкой стола и плинтусом лежал пластиковый зажим от бейджа. Самого шнура не было.

— Чей бейдж? — спросил Жданов.

Меркулова ответила первой:

— Здесь всем выдавали одинаковые на прошлом собрании. Синий шнур, прозрачный карман. На столе обычно лежал дежурный.

— Сейчас его нет?

— Не вижу.

На стене висел список ответственных за субботние дежурства. Напротив сегодняшней даты стояли Виктор Лобанов и фельдшер Павел Нестеров. Рядом карандашом приписали: «до 18:00».

— Нестеров ушёл в шесть? — спросила Анна.

— У него ночная смена на скорой, — сказала Меркулова. — В семь он уже отмечен на станции. Железное алиби, если вы к этому ведёте.

Анна снова посмотрела на неё.

— Я пока веду к отсутствующему шнуру.

— Павел первым проверял тело. Его следы здесь объяснимы.

— Я не называла Павла.

Меркулова поправила очки.

— Но следователь назовёт. Он дежурил с Лобановым и спорил с ним утром при людях.

Жданов записал что-то в блокнот.

— О чём спорили?

— О медицинских счетах кооператива. Лобанов проводил ревизию и решил, что Павел списывает лишние лекарства.

— Решил или обнаружил?

— Спросите у председателя.

Анна продолжила осмотр. На ладони Лобанова сохранилась белая пыль, под ногтями — тёмные волокна. Правый рукав был влажным у локтя, хотя пол вокруг тела оставался сухим. На подошвах смешались земля и светлый порошок, не похожий на штукатурку медпункта.

— Он пришёл сюда с улицы, — сказала Меркулова.

— Все пришли с улицы. Важно, откуда именно.

За окном виднелась водонапорная башня. Её нижнюю часть ремонтировали: вокруг стояли мешки со смесью, металлические леса были затянуты зелёной сеткой. Дождь прибивал к земле жёлтую пыльцу ранних сорняков.

Жданов проследил взгляд Анны.

— Осмотрим башню.

— И путь между ней и медпунктом. До того как люди растопчут.

— Там уже ходили половина правления и сторож.

— Тогда фиксируйте то, что осталось, а не то, что хотелось бы найти.

Меркулова усмехнулась.

— Область тебя не испортила. Только сделала медленнее.

— Медленнее предварительного вывода — не всегда плохо.

Они подготовили тело к транспортировке. Когда его осторожно приподняли, стала видна ещё одна деталь: ткань рубашки на спине была сухой, но на линолеуме под плечом оставался слабый влажный отпечаток неправильной формы. Не от тела — от предмета, который лежал там раньше.

Рядом нашли две крупинки голубой краски. В медпункте всё было белым или бежевым. Голубой краской покрывали опоры у башни.

— Перенос? — спросил Жданов.

— Возможность переноса. Окончательно — после исследования пятен, одежды и поверхности.

Анна всегда следила за словами на месте. «Перенос» быстро становился в протоколах утверждением, затем мотивом, потом фамилией. Возможность оставляла пространство для проверки.

Меркулова подписала свой лист и положила его на край стола. В строке «предполагаемое время смерти» уже стояло: 20:00–21:00.

Чернила были сухими.

— Когда вы это записали? — спросила Анна.

— После измерения.

— До осмотра шеи?

— Шея не меняет время.

— Прогретое помещение меняет значение температуры. Открытое окно меняет условия измерения. Возможный перенос меняет исходную среду.

— Анна, это предварительный протокол. Не заключение.

— Тогда почему границы уже уже, чем позволяют данные?

Меркулова сняла очки и протёрла их краем халата.

— Потому что в девять Павел был на вызове через весь город. Если ты расширишь интервал до десяти, следователь потратит сутки на человека, который физически не мог быть здесь.

— Откуда вы знаете, что он был на вызове лично?

— Система скорой. Я позвонила диспетчеру.

— До приезда следователя?

— Пока ждала тебя.

Жданов перестал писать.

— Кто сообщил вам, что Нестеров интересуется следствие?

— Никто. Я знала об утреннем споре и проверила очевидное.

— Запрос диспетчеру оформим сами, — сказал он.

Меркулова надела очки.

— Оформляйте. Получите тот же ответ.

Тело вынесли. На освободившемся месте перевёрнутый стул выглядел ещё более нарочито. Фотограф закончил съёмку, криминалист упаковал пуговицу и зажим от бейджа.

У крыльца председатель кооператива объяснял патрульному, что Лобанов нажил врагов своей ревизией. За калиткой собрались дачники. Каждый знал, кто с кем спорил, кто когда проехал и кому принадлежит голубая тачка у башни. Тридцать лет соседства производили много памяти и мало беспристрастности.

Телефон Жданова завибрировал. Он прочитал сообщение.

— Станция скорой подтверждает: учётная запись Нестерова открыта в девятнадцать ноль две. В двадцать четырнадцать бригада приняла вызов на улице Metallургов. Карта закрыта в двадцать пятьдесят одну.

Меркулова посмотрела на Анну без торжества, как на ученицу, которой дали возможность самой прийти к правильному ответу.

— Metallургов на другом конце Липовска, — сказала она.

— Кто был в составе бригады? — спросила Анна.

— Нестеров и водитель Савин.

— По записи или по лицам?

Жданов снова взглянул в телефон.

— По записи.

Анна вышла под дождь. У ворот сторож вёл журнал въезда, защищая страницы полиэтиленовым пакетом. Последняя заполненная строка была сделана сегодня в 20:26.

«Нестеров П. А. Пешком».

Сторож поставил рядом галочку и приписал: «к башне».

— Вы сами его видели? — спросил Жданов.

— Конечно. Павел Андреевич тут с детства. Поздоровался, спросил, где Лобанов.

— Ошибиться не могли?

— В собственном фельдшере?

Меркулова стояла на крыльце. Отсюда она не могла прочесть строку, но увидела лица Анны и следователя.

На станции скорой Павел Нестеров в это же время принимал вызов через весь город.

В журнале «Липок» он шёл к водонапорной башне.

Одно из двух алиби принадлежало не тому человеку.

Чужой интервал

К утру дождь кончился, но Липовск не стал светлее. Низкие облака лежали на крышах, и окна районного морга отражали только серый двор и мокрую трубу котельной.

Анна приехала в семь сорок. На парковке уже стояла машина Меркуловой.

В областном бюро Анна привыкла начинать исследование одна, а коллег звать к конкретному вопросу. Здесь всё было устроено иначе. В секционной находились два металлических стола, один старый диктофон и шкаф, дверца которого закрывалась полоской пластыря. На подоконнике сушились резиновые перчатки для уборки. Над раковиной висела табличка: «После работы перекрыть воду» — отцовский почерк, крупный, с прямыми буквами.

Анна сняла табличку, вытерла с неё пыль и положила в ящик стола.

Меркулова вошла следом за санитаром. Она была уже в халате и держала папку с первичным протоколом.

— Ты рано.

— Вы тоже.

— Я заведующая. Мне положено беспокоиться о новом сотруднике.

— Особенно когда новый сотрудник не согласен со временем смерти?

— Особенно когда он после похорон берётся за первое сложное исследование и думает, что никто этого не замечает.

Анна проверила маркировку пакета с одеждой, пломбы и сопроводительные документы. Всё совпадало. Только потом посмотрела на Меркулову.

— Если хотите отстранить меня, оформите сейчас.

— Не драматизируй. Я пришла помочь.

— Тогда начнём с условий обнаружения. Температура в комнате до приезда полиции неизвестна. Когда открывали окно, зафиксировано приблизительно. Когда включили батарею — неизвестно. До переноса тело могло находиться в другом помещении.

— Перенос пока твоя версия.

— Поэтому я сказала «могло».

Меркулова положила папку на чистый край стола.

— Последний раз Лобанова видели без четверти восемь. В девять сорок сторож нашёл тело. Температура, пятна, окоченение этому не противоречат. Что тебе ещё нужно для рабочего интервала?

— Чтобы рабочий интервал назывался рабочим и не превращался в алиби.

Санитар Николай вошёл с каталкой, услышал последние слова и стал особенно внимательно поправлять простыню. В небольшом бюро любые разногласия распространялись быстрее запаха дезинфицирующего раствора.

Анна включила диктофон и начала с наружного исследования. Она называла только то, что видела: одежду, положение повреждений, состояние кожных покровов. Голос возвращал порядок. Рядом Меркулова делала заметки, не перебивая.

Ссадина на виске была неглубокой. Под кожей не обнаружилось кровоизлияния, которого ожидали бы при сильном прижизненном ударе. На шее сохранялась полоса с неодинаковой шириной и мелким рисунком ткани. След не походил на отпечаток жёсткого шнура от бейджа, но мягкая плетёная лента могла оставить его через ворот рубашки.

— Причина смерти? — спросила Меркулова.

— Пока признаки сдавления шеи. Окончательно после исследований.

— То есть падение исключаешь.

— Как причину смерти — предварительно да. Само падение могло быть после смерти или в её конце.

Анна перешла к рукам. Под ногтями Лобанова сохранились тёмные волокна, на правой ладони — светлая пыль. Она взяла материал отдельно, проговорив номера контейнеров. На манжете обнаружились жёлтые крупинки и белёсый налёт.

— Пыльца, — сказала Меркулова. — В кооперативе её везде полно.

— Возможно.

— И штукатурка везде. Половина домов ремонтируется.

— Тогда совпадение с башней ничего не докажет без сочетания признаков.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Анна подняла голову.

— Я понимаю ещё и то, что вы спорите с выводом, которого я не делала.

Меркулова отвернулась к раковине. Вода ударила о металл сильнее, чем требовалось.

Исследование заняло почти четыре часа. Анна не обнаружила тяжёлой травмы, способной объяснить смерть. Содержимое желудка позволяло сравнивать данные с известным временем еды, но не ставить часы на циферблате. Степень охлаждения в неизвестной среде также не давала узкого промежутка.

Были вещи точнее часов и вещи честнее точных чисел. Тонкие изменения в тканях, состояние пятен, результаты будущей микроскопии могли ограничить версии, но не обещали минуты. Анна записала это в черновике заключения: доступные признаки не позволяют на данном этапе сузить время наступления смерти до интервала 20:00–21:00.

Меркулова прочитала через её плечо.

— Ты нарочно оставляешь следователю весь вечер.

— Я оставляю ему тот промежуток, который могу защитить.

— От семи пятидесяти до девяти сорока?

— Это свидетельский промежуток. Медицинский пока шире.

— Тогда зачем вообще нужен эксперт?

— Чтобы не выдавать свидетельские показания за свойства тела.

Николай перестал греметь инструментами. Меркулова сняла очки, но протирать их не стала.

— Ты всегда хорошо отвечала на экзаменах, — сказала она. — Жизнь устроена не как кафедра. Жданову сегодня нужно решить, кого задерживать. Павел работает здесь пятнадцать лет, вытаскивал людей из пожаров, принимал роды на трассе. Из-за твоего широкого интервала он станет первым подозреваемым.

— Из-за моего интервала станет видно, что его алиби надо проверять.

— Его уже проверили.

— Проверили учётную запись.

— Водитель подтвердит.

— Вы с ним говорили?

Меркулова задержалась на долю секунды.

— Диспетчер сказала, что Савин был в бригаде.

— Я спросила не об этом.

— Нет, с водителем я не говорила.

Она ответила спокойно, но Анна услышала неуверенность именно потому, что раньше её не было. Меркулова привыкла знать людей вокруг Павла: кто работал с ним, кто мог подтвердить, кто промолчит. Вчерашний звонок диспетчеру был не любопытством. Он был движением человека, который заранее искал подпорку.

Анна закончила отбор и сама отнесла опечатанные контейнеры в приёмную лабораторию. Молодая лаборантка Лера проверяла номера медленно, шевеля губами.

— Двадцать второй, двадцать третий, двадцать четвёртый... Анна Сергеевна, здесь продолжать по старому журналу или по электронному?

— По обоим. Пока не убедимся, что выгрузка сохраняется.

— Галина Петровна говорит, электронного достаточно.

— Сегодня — по обоим.

Лера посмотрела на Меркулову, стоявшую в дверях.

— Делай, как велит эксперт, — сказала та. — Ответственность её.

Фраза звучала как уступка, но подчёркивала границу: ошибка тоже будет принадлежать Анне.

В коридоре зазвонил телефон. Жданов сообщил, что ждёт их в кабинете заведующей. У него были распечатки со станции скорой и сторож из «Липок».

— Сторожа зачем сюда? — спросила Меркулова.

— Он принёс журнал. Говорит, председатель потребовал вернуть до обеда.

— Журнал должен изыматься процессуально, а не путешествовать в хозяйственной сумке.

— Уже оформили. Я хотел, чтобы Анна посмотрела страницу до передачи криминалисту.

Кабинет заведующей почти не изменился с тех времён, когда Анна проходила здесь практику. Тот же шкаф с методическими письмами, тот же фикус, переживший нескольких санитаров, и три фотографии сотрудников на стене. На самой старой Анне было двадцать три; она стояла у края группы и щурилась от солнца. Отец снимал.

Сторож Пётр Глухов сидел возле двери, прижимая к коленям кепку. Журнал лежал в прозрачном пакете.

— Я всё уже рассказал, — произнёс он. — Павла видел. Он ещё спросил, открыта ли калитка у башни.

Жданов разложил распечатки.

— Учётная запись Нестерова открыта в девятнадцать ноль две. В двадцать четырнадцать принят вызов. Навигация машины показывает выезд со станции и маршрут до Металлургов. Пациент и его жена подтверждают, что приезжали мужчина-фельдшер и водитель Савин. Карта подписана Нестеровым.

— Вот, — сказала Меркулова. — Машина физически не могла быть в «Липках».

— Машина — нет, — ответил Жданов. — Нестерова пациент не запомнил. Жена говорит, фельдшер был в маске и почти не разговаривал. Савина пока не нашли: после смены телефон выключен.

Сторож недовольно покрутил кепку.

— Я Павла без маски видел. В жёлтой куртке. Он с детства так ходит, голову в плечи вытягивает.

— Во сколько точно? — спросила Анна.

— В журнале стоит.

— Вы записали сразу?

— Сразу. Он прошёл — я записал.

— Часы где были?

— Над дверью.

— Они точные?

— Радио по ним включаю в девять. Не опаздывает.

— Кто-нибудь ещё входил примерно тогда?

— Дачники ходили. Галкины, Селезнёвы. Но Павел один к башне свернул.

Жданов вынул фотографию с камеры у ворот. На снимке под дождём шёл высокий человек в жёлтой куртке. Лицо скрывал край капюшона. В нижнем углу стояло 20:19, а не 20:26.

— Камера спешит на семь минут, — пояснил он. — Сравнили момент проезда патрульной машины с системой дежурной части. Получается запись сторожа точная.

— Куртка Павла? — спросила Меркулова.

— Такая же. Но это не идентификация.

Анна приблизила снимок на экране телефона. Человек нёс что-то под левой рукой — плоский свёрток или папку, закрытую полиэтиленом. На шее поверх куртки висел тёмный шнур.

— Бейдж? — спросила она.

Жданов кивнул.

— Возможно. Камера лучше не даст.

— Павел в кооперативе носит служебный бейдж? — спросила Анна у сторожа.

— Когда дежурит — носит. Лобанов всех заставил. Говорил, порядок должен быть.

— Вчера его дежурство закончилось в шесть.

— Может, не снял.

— Или надел снова, — сказала Меркулова. — Если вообще это Павел.

Вчера она не сомневалась в словах диспетчера, когда они защищали Нестерова. Теперь сомневалась в стороже и фотографии, потому что они разрушали тот же результат.

Анна почувствовала не удовлетворение, а холодную осторожность. Предвзятость наставницы ещё не делала Павла убийцей. Она лишь делала опасным каждый документ, который прошёл через её руки.

— Есть записи внутри кооператива? — спросила Анна.

— У правления камера направлена на кассу, — ответил Жданов. — У председателя — на собственные ворота. Башню должна видеть камера нового магазина, но хозяин уехал, доступ к регистратору получим после обеда.

— А медпункт?

— Только крыльцо. Камера не работала с четверга. Кабель перерезан во время ремонта.

— Перерезан или повреждён?

— Проверяют.

Глухов поднял руку, словно на собрании.

— Павел вернулся к воротам позже.

Жданов замер.

— Вы вчера этого не говорили.

— Не спрашивали. Я сказал, что видел его в восемь двадцать шесть.

— Во сколько он вышел?

— Не знаю. После того как полиция приехала, он уже возле медпункта был. Помощь оказывал.

— Кто его вызвал?

— Председатель, наверно. У нас если что — Павлу звонят.

— Но в это время он должен был ехать на вызове, — сказала Анна.

— Значит, успел вернуться.

От станции до «Липок» было двадцать пять минут без дождя и пробок. Вчера дорогу у железнодорожного переезда перекрывал товарный состав. Если Павел работал на Металлургов до двадцати пятидесяти одной, он не мог оказаться у тела в девять сорок. Если он был у тела, карту вызова закрыл кто-то другой.

— Кто подтвердил, что именно Нестеров проверял признаки жизни? — спросила Анна.

— Председатель и патрульный, — ответил Жданов. — Сам Нестеров это указал в объяснении.

— Тогда у нас не одно противоречие, а два. Павел числится на вызове, когда входит в кооператив. И числится на вызове незадолго до того, как его видят у тела.

Меркулова села за стол.

— Вы делаете сложную конструкцию из ошибок времени. Сторож мог записать позже, камера спешит, карта могла закрыться не сразу.

— Поэтому время нельзя сужать под удобную конструкцию, — сказала Анна.

— Под удобную? Ты решила, что я прикрываю Павла?

— Я решила, что вы проверили его алиби раньше следствия и внесли интервал, который с ним совпадает.

— Потому что знаю его.

— Это не метод исследования.

Глухов переводил взгляд между ними, уже понимая, что получил историю для всего кооператива. Жданов убрал фотографию.

— Пётр Семёнович, подождите в коридоре.

Когда дверь закрылась, Меркулова сказала:

— Анна потеряла отца неделю назад. Она ищет подвох там, где нормальный человек увидит путаницу.

Жданов не посмотрел на Анну.

— Соболезную. Но заключение всё равно будет оцениваться по основаниям.

— Именно об этом я говорю.

— Нет, — сказала Анна. — Вы говорите, что моё несогласие объясняется горем. Это проще, чем объяснить ваш час.

На столе между ними лежал первичный протокол. Время смерти было обведено Меркуловой синим карандашом. Анна знала этот жест: так наставница отмечала пункт, к которому не желала возвращаться.

Жданов забрал распечатки.

— Мне нужны письменные позиции обеих. Без оценок друг друга. Решетникова укажет допустимые пределы медицинского вывода, Меркулова — основания предварительного интервала. И ещё: до получения образцов никто не связывается с Нестеровым.

— Он наш сотрудник, — сказала Меркулова.

— Теперь ещё и свидетель. Возможно, подозреваемый.

После его ухода Анна открыла окно. С улицы потянуло сыростью и дымом котельной.

— Ты добила своего, — сказала Меркулова. — Павла вызовут на допрос.

— Этого добила запись у ворот.

— Запись ничего не показывает.

— Тогда допрос ничего не разрушит.

Меркулова долго смотрела на неё, затем взяла папку.

— У тебя была способность видеть человека за материалом. Не потеряй её окончательно.

— А у вас была способность не видеть в материале того, кого хочется спасти.

Меркулова вышла, не ответив.

Анна осталась в кабинете одна. На старой фотографии отец держал аппарат обеими руками, поэтому в кадр не попал. От него осталось только то, как сотрудники шурились на солнце.

Она вернулась в секционную и перечитала черновик. Широкий интервал не обвинял Павла и не оправдывал его. Он только отнимал у всех право поставить смерть в удобный час.

Телефон завибрировал. Жданов прислал фотографию внутреннего журнала станции скорой. В графе ночной бригады напротив фамилии Нестерова стояла подпись. Ниже, в строке выдачи препаратов, теми же чернилами расписалась фельдшер Инна Соколова.

Анна увеличила снимок. У обеих подписей была одна особенность: длинный первый штрих уходил влево, будто человек писал в тесной перчатке.

Следом пришло сообщение:

«Савина нашли. Говорит, ночью работал не с Павлом».

Через несколько секунд Жданов дописал имя:

«С Соколовой. Павел попросил её выйти под его учётной записью».

Анна посмотрела на строку 20:00–21:00 в копии протокола.
Час, который должен был защитить Павла, больше не был его алиби.
Он стал чужой сменой.

Стул после смерти

Инну Соколову привезли в следственный отдел к четырём часам. До этого Жданов успел взять объяснение у водителя, запросить записи станции и дважды позвонить Анне с одним и тем же вопросом: может ли человек после сдавления шеи самостоятельно встать на стул.

Оба раза Анна отвечала, что вопрос поставлен неверно.

— Я не спрашиваю о чуде, — сказал он во второй раз. — Мне нужна последовательность.

— Тогда приезжайте в медпункт. Последовательность устанавливают по всей сцене, а не по одному повреждению.

В «Липках» сняли полицейскую ленту с крыльца, но дверь оставалась опечатанной. За оградой стояли дачники. Их стало больше, чем ночью. Смерть ревизора превратила будний понедельник в собрание без повестки.

Жданов приехал с криминалистом Мариной Котовой. Она несла складной свет, рулетку и коробку с маркерами.

— Повторный осмотр, — сказала Котова, показав постановление председателю. — Внутрь никто не входит.

— А я? — спросил председатель.

— Особенно вы.

В помещении было восемнадцать градусов. Батарея остыла, окно закрыли. Без тела комната казалась просторнее, но следы постановки не исчезли: прямоугольник от кушетки, метки возле стула, влажное пятно, обведённое вчера мелом.

Котова поставила стул так, как он лежал на исходных снимках, и сверила расстояния.

— Ножка была под полкой куртки, — сказала Анна. — Не над ней.

— Вижу.

— На виске поверхностная ссадина без выраженного кровоизлияния. Тяжёлой травмы головы нет. Причина смерти связана со сдавлением шеи, окончательная формулировка после лаборатории.

Жданов посмотрел на потолок.

— Версия председателя: Лобанов полез к коробкам, зацепился шнуром бейджа, упал и задушился.

— Шнур на месте не найден, — сказала Котова.

— Поэтому председатель решил, что его забрал Нестеров, когда проверял пульс.

Анна присела возле стула.

— Если человек падает вместе со стулом, предметы сталкиваются в движении. Здесь стул оказался поверх части одежды уже лежавшего человека. Это не исключает любой случайный вариант, но требует отдельного объяснения.

— А след на шее? — спросил Жданов.

— Не доказывает сам по себе, где и кем была приложена сила. Но рисунок неодинаков, на воротах есть смещение ткани. Для случайного зацепления версия должна согласоваться с высотой, направлением и креплением шнура.

Котова осмотрела верхнюю полку.

— Крепиться не к чему. Крючков нет. Край закруглённый. Коробки не сдвинуты.

— Может, за ручку шкафа? — спросил Жданов.

— Тогда стул стоял бы у шкафа, — ответила Анна. — А след падения вёл бы оттуда. На полу нет царапин от перемещения стула с нагрузкой.

Они не разыгрывали смерть и не ставили статиста на стул. Котова измеряла геометрию пустого помещения, Анна сопоставляла её с повреждениями, Жданов записывал варианты. Каждый шаг должен был отвечать на узкий вопрос, а не изображать убедительную картину.

Под сиденьем обнаружилась засохшая голубая крупинка. Вчера её приняли за старый слой краски самого стула, но стул был покрыт коричневым лаком. Котова сняла частицу на липкий носитель.

— Такая же, как возле тела? — спросил Жданов.

— Визуально, — сказала она. — Сравнение даст лаборатория.

Анна осмотрела нижнюю перекладину. На ней был чистый участок, будто стул брали рукой в пыльной перчатке и часть поверхности протёрли. С одного края к лаку пристал короткий тёмный волосок или волокно.

— Отдельно, — сказала она.

Котова кивнула и сменила пинцет.

В шкафу хранилась коробка с бейджами кооператива. Прозрачные карманы лежали отдельно, синие шнуры — спутанным мотком. По ведомости выдали сорок два комплекта. Вернули после собрания тридцать восемь. Один постоянно находился в медпункте, ещё три оставались у Лобанова, председателя и Павла.

— Получается, пропавший шнур нельзя даже уверенно назвать тем, что был на Лобанове, — сказал Жданов.

— Зажим нашли возле стола, — напомнила Котова.

— Зажим одинаковый у всех.

Анна взяла ведомость через прозрачный файл.

— Кто собирал комплекты после собрания?

— Секретарь правления, — ответил председатель из-за двери. Он всё-таки нашёл способ участвовать. — Потом Виктор пересчитал.

— Когда?

— В прошлую субботу.

— Недостачу зафиксировали?

— Да какая недостача, это шнурки по двадцать рублей.

Жданов открыл дверь.

— Виктор считал, но записи не сделал?

— Он всё записывал. У него тетрадь была клетчатая. Только вы её не нашли.

— Вчера вы говорили, что ревизионная папка синяя.

— Папка синяя, тетрадь клетчатая. Он в тетради черновики вёл, потом в папку чистое подшивал.

— Где держал?

— С собой. Или в правлении. Виктор никому не доверял.

— Вам в том числе?

Председатель обиделся:

— Особенно мне. Ревизор для того и нужен.

Анна вернулась к столу. На его краю стоял настольный календарь, под ним — четыре параллельные царапины. На исходных снимках календарь располагался ближе к стене. Котова подняла его и посветила сбоку.

— Здесь лежало что-то прямоугольное, — сказала она. — Пыль вокруг, чистый контур внутри.

Размер подходил для небольшой тетради.

— Её забрали до обнаружения или после? — спросил Жданов.

— Сторож утверждает, что ничего не трогал, — сказала Анна. — Павел входил проверить тело. Меркулова приехала до вас. Председатель тоже был внутри.

За дверью стало тихо.

— Я стоял у порога, — сказал председатель. — Галина Петровна велела не мешать.

— Кто вызвал Меркулову? — спросил Жданов.

— Павел.

Анна повернулась.

— Не вы?

— Я позвонил Павлу, потому что он медик и рядом живёт. Павел приехал, посмотрел Виктора, потом набрал Галину Петровну.

— Во сколько?

— Без десяти десять, может.

Павел не просто вернулся в кооператив после чужой смены. Он первым из медиков оказался возле человека, с которым утром спорил, и сам пригласил Меркулову — ту, которая затем установила удобный для него час.

Эта цепочка выглядела слишком ровной. Анна знала, что ровные цепочки опасны: следствие начинало любить их раньше, чем проверяло слабые звенья.

— Телефоны подтвердят время звонков, — сказала она.

— Уже запросил, — ответил Жданов. — Павла после Инны допрошу отдельно.

— Не показывайте ему все находки сразу.

— Вы теперь учите меня допросу?

— Напоминаю, что отсутствие тетради и отсутствие шнура — разные вещи. Если он объяснит одно, это не объяснит другое.

Жданов усмехнулся.

— А вы всё-таки из большого города.

У крыльца председателя окружили соседи. Кто-то спросил, правда ли Павел душил ревизора служебным бейджем. Новость ещё не существовала в материалах дела, но уже обрела оружие, мотив и виновного.

— Откуда они знают про шнур? — спросила Котова.

— На месте было слишком много людей, — сказал Жданов.

— Или кто-то рассказал нарочно, — заметила Анна.

Меркулова приехала, когда повторный осмотр заканчивался. Она прошла через толпу, не отвечая на вопросы, и остановилась у полицейской машины.

— Почему меня не уведомили?

— Вы не участник осмотра, — сказал Жданов.

— Я заведующая бюро. В медпункте работал мой сотрудник.

— Поэтому и не уведомили.

Меркулова посмотрела на запечатанный пакет в руках Котовой.

— Нашли что-то новое?

— Частицы и волокно со стула.

— Стул трогали десятки людей за годы.

— Возможно, — сказала Анна.

— Ты повторяешь это слово, когда уже решила обратное.

— Я повторяю его, когда сравнение ещё не проведено.

Жданов попросил Меркулову ответить, когда Павел позвонил ей ночью.

— В двадцать один пятьдесят две. Сказал, что Лобанов умер, попросил приехать.

— Вы сохранили звонок?

— Он есть в телефоне.

— О чём ещё говорил?

— Что обнаружил след на шее и что падение выглядит странно.

Анна вспомнила вчерашний разговор. При её приезде Меркулова называла очевидной травму головы. Если Павел сразу сообщил о шее, заведующая сознательно отодвигала этот признак.

— Почему вы начали с версии падения? — спросила Анна.

— Потому что след на шее мог быть от ворота или шнура. Причину определяет исследование.

— Исследование, которое вы хотели свести к травме головы.

— Я хотела не обвинять человека на крыльце.

— На крыльце никто Павла не обвинял.

— Теперь обвиняет весь кооператив.

Меркулова кивнула на толпу. В этом она была права. Старики у калитки уже смотрели на дом Нестеровых через дорогу, словно ожидали обыска.

— Кто рассказал им про шнур? — спросил Жданов.

— Откуда мне знать? Ваши люди говорили вслух.

— Мои люди называют его предметом номер двенадцать.

— Тогда спросите председателя. Он превращает любую бумагу в речь для собрания.

Телефон Жданова зазвонил. Он отошёл к машине, выслушал и коротко сказал:

— Везите обоих раздельно.

— Инна? — спросила Анна, когда он вернулся.

— Признала обмен. Говорит, Павел попросил подменить его с семи вечера до полуночи. Вошла его карточкой, расписалась в журнале, работала под его учётной записью. Савин подтвердил.

— Зачем Павлу понадобилось свободное время?

— Инне сказал, что мать плохо себя чувствует.

— Мать живёт здесь, — сказала Меркулова. — Через два дома от ворот.

— Тогда его приезд объясним, — сказал Жданов.

— Приезд — да. Вопрос к башне — нет, — ответила Анна.

— Может, срезал путь.

Меркулова произнесла это слишком быстро. Башня находилась в противоположной стороне от дома матери.

Жданов ничего не сказал, но отметил ответ.

На обратном пути Анна заехала в лабораторию. Лера поставила первичные контейнеры в холодильник и заполняла бумажный журнал.

— Всё приняли? — спросила Анна.

— Да. Только с одним номером странно.

— С каким?

— С двадцать четвёртым. Электронная система пишет, что контейнер с таким номером уже зарегистрировали ночью.

Анна подошла к монитору. В строке стояло: «материал с одежды, Лобанов В. И.», время приёма — 23:18. Тело поступило в бюро после полуночи. Одежду сняли утром в присутствии Анны.

— Кто создал запись?

— Учётная запись Галины Петровны. Я решила, она заранее номера резервировала.

— В журнале есть что-то за это время?

Лера перелистнула назад. Между последней пятничной записью и сегодняшними контейнерами строк не было.

— Ничего.

— Запись изменяли?

— Я не умею смотреть историю.

Анна позвонила системному администратору областного бюро и попросила сохранить журнал событий, не открывая спорную карточку с рабочего места Меркуловой. Потом сфотографировала экран и бумажную страницу.

— Контейнер двадцать четыре не трогать, — сказала она. — Доступ только под подпись. И остальные по Лобанову тоже.

Лера побледнела.

— Я что-то сделала неправильно?

— Наоборот. Вы заметили расхождение.

В коридоре послышались шаги Меркуловой. Анна закрыла журнал, но не стала закрывать фотографию на телефоне.

— Жданов увёз Павла, — сказала заведующая. — Из дома матери. На глазах у соседей.

— Для допроса?

— Пока да.

Она увидела контейнеры на столе.

— Почему они не в холодильнике?

— Проверяли регистрацию.

— Лера, убери немедленно.

— Сначала распишитесь, что приняли ограничение доступа, — сказала Анна.

Меркулова медленно повернулась к ней.

— На каком основании?

— Контейнер с этим номером зарегистрирован вашей учётной записью в двадцать три восемнадцать. До поступления тела и до отбора.

Лера замерла с ключом в руке.

— Я резервировала диапазон, — сказала Меркулова. — Система иногда требует создать карточку заранее.

— Почему в карточке уже указано «материал с одежды»?

— Потому что одежду всё равно предстояло исследовать.

— Вы не знали, что именно я отберу и под каким номером.

— Знала порядок работы.

— Бумажной записи нет.

— Потому что это резерв, а не приём материала.

Ответы находились у неё мгновенно, один за другим. Каждый по отдельности мог оказаться правдой. Вместе они складывались в готовую защиту документа, созданного раньше события.

— История системы покажет, что было в карточке ночью, — сказала Анна.

— Покажет.

Меркулова расписалась в листе доступа и вернула ручку.

— Ты хотела последовательность? Вот она. Сначала ты расширила время и отдала Павла следователю. Теперь объявляешь подозрительной обычную техническую запись. К вечеру решишь, что я принесла тело в морг сама.

— Я ничего такого не решала.

— Но оставила возможность.

— Возможность нельзя убрать из протокола только потому, что она касается знакомого человека.

Меркулова вышла. На этот раз дверь закрылась почти бесшумно.

Лера поставила контейнеры в отдельный запирающийся отсек.

— Анна Сергеевна, а если правда просто номер заранее заняли?

— Тогда журнал событий это подтвердит.

— А если нет?

Анна посмотрела на опечатанный контейнер. Внутри находился смыв со стула — того самого, который положили рядом с уже мёртвым человеком, чтобы падение выглядело причиной.

— Тогда нам придётся узнать, что зарегистрировали под этим номером ночью.

Дом на продажу

К дому отца Анна подъехала уже в темноте. На калитке висела новая табличка агентства: белый прямоугольник с зелёным номером телефона и словом «ПРОДАЁТСЯ», которое из машины казалось приказом.

Она сама разрешила риелтору повесить табличку. Три недели назад это представлялось деловым решением: осмотреть комнаты, оставить нужное, заказать вывоз, подписать договор. Теперь слово на калитке выглядело так, словно кто-то вынес заключение до исследования.

В прихожей пахло сухой древесиной, аптечной мазью и яблоками из подпола. Куртка отца всё ещё висела на крайнем крючке. Анна сняла свою и повесила рядом, потом сразу переложила на спинку стула. Смешивать вещи живого и умершего было неприятно не из-за суеверия, а из-за ложного ощущения, будто хозяин сейчас вернётся и спросит, зачем она заняла его место.

Риелтор оставила на кухонном столе список: документы на участок, квитанции, технический паспорт, справка об отсутствии задолженности. К завтрашнему дню нужно было найти старое свидетельство на дом.

Анна включила свет в кабинете. Отец называл комнату мастерской, хотя не мастерил здесь ничего, кроме папок. Вдоль стены стояли серые картонные коробки с годами на корешках. После выхода на пенсию он забрал домой копии лекций, методические письма, старые журналы и бумаги, которые учреждение разрешило списать. Анна уже разобрала два верхних ряда. В них оказались поздравительные открытки, инструкции к приборам, давно снятым с производства, и её школьные грамоты.

Свидетельства на дом не было.

Телефон завибрировал в кармане. Жданов прислал короткое сообщение: Павел Нестеров доставлен на допрос, от защитника не отказался. Следом — фотография распечатки телефонных соединений. В 21:47 председатель звонил Павлу, в 21:52 Павел — Меркуловой. Между ними цепочка не рвалась.

Анна набрала Жданова.

- Контейнер номер двадцать четыре уже проверяете?
- Администратор выгружает журнал. Меркулову пока не спрашивал. Вы где?
- В доме отца.
- Отдыхаете?
- Ищу документы на продажу.
- У вас странное представление об отдыхе.
- Если Павел объяснит, зачем приезжал, сообщите.
- А если не объяснит?
- Тем более.

Она положила телефон экраном вниз и выдвинула нижний ящик стола. Там лежали перевязанные бечёвкой квитанции. Под ними нашёлся технический паспорт, но свидетельства снова не было. На дне ящика проступал светлый прямоугольник: недавно здесь лежала папка, защищавшая дерево от пыли.

Анна остановилась. «Недавно» в пустом доме могло означать и месяц, и три года. Она провела пальцем по краю следа. Пыль не была мерой времени, если неизвестно, как часто открывали ящик.

Отец умер в мае. Последнюю зиму он почти не выходил, однако раз в неделю просил соседку протапливать кабинет. После похорон ключи были только у Анны и у Лидии Лобановой — дальней родственницы по материнской линии, помогавшей с поминками. Лидия вернула свой ключ в тот же день.

На полке стоял деревянный лоток с надписью «Личное». В нём обнаружили договор на электричество, завещание, выписка на участок и конверт с запасным ключом. Свидетельство лежало в прозрачном файле между планом межевания и актом подключения газа.

Задача была выполнена. Можно было выключить свет и уехать.

Анна осталась.

На краю стола лежала пачка газетных вырезок, которую она в прошлый приезд приняла за подборку некрологов. Отец вырезал сообщения о бывших коллегах и складывал по годам. Верхняя полоса была из районной газеты: фотография школьной команды у сетки, подпись — «Липовские волейболисты взяли серебро». На обороте типографская краска проступила сквозь бумагу.

Анна перевернула вырезку.

«Трагедия в дачном кооперативе».

Текст занимал меньше колонки. Восемь лет назад семнадцатилетнего Артёма Лобанова нашли без сознания возле водонапорной башни в «Липках». Бригада прибыла после полуночи, спасти подростка не удалось. Следствие не обнаружило признаков преступления. Редакция выражала соболезнования матери, Лидии Сергеевне Лобановой.

Фамилия заставила Анну перечитать заметку. Виктор Лобанов приходился погибшему дядей — это следовало из одной строки о семье. Нынешний ревизор восемь лет назад отвечал журналисту от имени родственников и просил «не строить домыслов».

Под газетой лежала копия страницы из журнала выездов. Часть граф была закрыта чёрной бумагой при копировании, но дата совпадала. Вызов поступил в 22:41. Выезд отмечен в 23:36. Внизу стояла подпись заведующей: Меркулова Г. П.

Анна села.

Пятьдесят пять минут между сообщением и выездом сами по себе ничего не доказывали. Запись могла быть ошибочной, машина — занята, сообщение — неполным. Но отец положил рядом ещё один лист: копию титульной страницы заключения с пометкой «время наступления смерти устанавливается в пределах...». Часы были обведены синим карандашом. Поля обреза́ли так, что весь интервал прочесть не удавалось. Подпись эксперта сохранилась целиком: Г. П. Меркулова.

На полях отец написал: «С чем сопоставляла?»

Анна знала этот почерк. Заглавная «С» у него всегда проваливалась ниже строки, вопросительный знак был похож на цифру два. Заметка не могла принадлежать другому человеку.

Она разложила бумаги, не меняя порядка, и сфотографировала сначала всю пачку, затем каждый лист. Газета, журнал выездов, неполная копия заключения. В конце — школьная фотография Артёма, вырезанная из той же полосы. Высокий худой подросток стоял с мячом под локтем и щурился на солнце.

В коробе под столом нашлась папка без надписи. Светлый след в ящике соответствовал её размеру, но это опять было лишь совпадение формы. Внутри лежали конспекты отца о посмертных изменениях, две распечатки переписки и пустой конверт.

Переписка была без адресов. Отец распечатал только текст.

«Ты просишь меня оценить копию, происхождение которой я не могу подтвердить. По одной цифре вывод о заведомой ошибке делать нельзя».

Ниже ответ отца:

«Я не прошу вывод. Я спрашиваю, мог ли указанный интервал получиться из приведённых признаков без дополнительных сведений».

Следующая строка была подчёркнута:

«Без дополнительных сведений — нет. Но они могли быть в материалах, которых у тебя нет».

Анна услышала, как в трубе отопления щёлкнул металл. Дом остывал. Она перечитала слова и почувствовала раздражение — не на неизвестного собеседника, а на отца. Он учил её отделять сомнение от обвинения, но сам сложил сомнение в папку и спрятал. Если видел несходство, почему не запросил дело официально? Если не видел оснований, зачем хранил восемь лет?

На обороте пустого конверта стояло одно имя: «Лида».

Анна знала Лидию Лобанову с детства. Та работала в библиотеке, приносила отцу исторические романы и никогда не задерживалась на пороге. После смерти сына она перестала бывать на общих праздниках, но каждую весну высаживала у дороги белые георгины. В мае именно Лидия нашла телефон ритуальной службы, заваривала чай и молча мыла чашки, пока Анна отвечала на соболезнования.

Позвонить ей сейчас означало не просто спросить о бумагах. Это означало вернуть в её вечер смерть сына и связать её с новым телом.

Телефон снова завибрировал.

— Нестеров признаёт, что был в кооперативе, — сказал Жданов вместо приветствия. — Приехал в двадцать двадцать четыре. Сначала к матери. Потом якобы гулял.

— К водонапорной башне?

— Говорит, до башни не дошёл.

— Камера показывает человека в его куртке.

— Он говорит, куртки одинаковые. Тетрадь Лобанова не видел, шнур не брал. С ревизором утром спорил из-за лекарств для матери.

— Каких лекарств?

— Рецептурных. Лобанов обвинял его, что он использует служебные связи. Павел утверждает, что ничего не выносил со станции и забирал заказ из аптеки. Чек обещает показать.

Анна посмотрела на фамилию Меркуловой под старым заключением.

— Кирилл, у погибшего был племянник Артём?

На том конце наступила пауза.

— Был. Умер восемь лет назад. Откуда знаете?

— Нашла у отца газетную заметку и копии двух страниц. Старое заключение подписано Меркуловой. Время выезда и интервал смерти отмечены карандашом.

— Ваш отец занимался тем делом?

— Не знаю. Официально он тогда уже преподавал и в район не выезжал.

— Ничего не трогайте.

— Я уже разложила бумаги и сфотографировала.

— Тогда больше ничего не трогайте. Я приеду.

— Это дом моего отца, а не место происхождения.

— Именно поэтому прошу, а не приказываю. Если бумаги имеют отношение к Лобанову, нужно зафиксировать, откуда они появились.

Жданов приехал через двадцать минут вместе с Котовой. На пороге он вытер ботинки тщательнее, чем требовала погода, и сразу спросил разрешения вести видеозапись.

— Сначала объясните статус, — сказала Анна.

— Добровольная выдача, если вы согласны передать документы. Осмотр жилища — только с вашим согласием или по судебному решению. Я хочу посмотреть конкретную папку и место, где вы её нашли.

— Согласна на конкретную папку и кабинет. Остальной дом не осматриваете.

— Запишите это на видео, Марина.

Котова сняла общий вид кабинета, ящик, лоток и разложенные листы. Анна последовательно рассказала, что искала, в каком порядке доставала бумаги и что переворачивала. Она

не стала изображать безупречную сохранность: признала, что касалась листов голыми руками и перенесла пачку на стол.

— Отпечатки здесь всё равно мало что дадут, — сказала Котова. — Это семейный архив, вещи хранились годами. Но порядок важен.

Жданов прочитал газетную заметку.

— Лобанов мог искать то же самое, — сказал он. — Старое дело племянника.

— Или отец обсуждал его с Лобановым ещё тогда.

— Они были знакомы?

— Все в «Липках» знакомы.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Котова перевернула пустой конверт.

— «Лида» — мать подростка?

— Вероятно.

— Почему конверт пустой?

— Не знаю.

— Ваш отец мог отдать ей содержимое?

— Мог. Мог не положить. Мог подписать конверт для чего-то другого.

Жданов поднял глаза:

— Вы всегда так отвечаете о близких?

— Особенно о близких.

Он не обиделся. Собрал документы в отдельные прозрачные файлы, составил перечень и оставил Анне копию протокола выдачи. Папку и школьную фотографию она передавать не стала: они не содержали самостоятельных сведений, а происхождение фотографии было видно по газетной полосе. Жданов спорить не стал.

— Старое дело запросим утром, — сказал он. — Но сначала поговорим с матерью. Вы поедете?

— Нет.

Ответ прозвучал резче, чем Анна хотела.

— Почему?

— Потому что Лидия знала моего отца. Моё присутствие может заставить её защищать его или, наоборот, обвинять через меня. И я эксперт по нынешней смерти, а не посредник по старой.

— Разумно.

Он убрал файлы в папку для вещественных документов. На верхнем листе осталась видна подпись Меркуловой.

— Вы ей скажете? — спросила Анна.

— Пока нет. Сначала получу материалы и журнал электронной системы. Если спросить сейчас, она узнает, каких именно бумаг у нас не хватает.

Это была та же логика, с которой Анна просила не показывать Павлу все находки. Теперь осторожность касалась Меркуловой, и от этого стала тяжелее.

После их ухода Анна закрыла ящик и вернула лоток на полку. В кабинете образовалось пустое место размером с тонкую папку. Оно не доказывало, что отец молчал из страха, жалости или расчёта. Только то, что он однажды собрал вопросы вместе и не выбросил.

На кухне она нашла риелторский список и поставила галочку напротив свидетельства. Ниже было напечатано: «Убрать личные вещи до фотосъёмки».

Анна прошла по дому, включая свет в каждой комнате. Личные вещи были повсюду: чашка со сколом, пиджак, книга с заложенным автобусным билетом, коробка гвоздей, чужая

смерть в газетной колонке. Убрать их означало не выбросить, а решить, какие из них имеют значение. Этому её профессия учила всю жизнь, но дома навык не работал.

Она сняла табличку с калитки и положила в багажник. Продажу можно было отложить на неделю.

Перед отъездом Анна позвонила Лидии. Не для расспросов — только предупредить, что утром к ней, вероятно, придёт следователь.

— Из-за Виктора? — спросила Лидия.

— И из-за старых бумаг.

В трубке стало слышно, как работает телевизор.

— Николай всё-таки их сохранил, — сказала Лидия.

Анна сжала телефон.

— Какие бумаги?

— Те, которые обещал показать Виктору, когда тот перестанет бояться правды.

— Когда они говорили в последний раз?

— Перед смертью твоего отца. Виктор пришёл к нему в апреле. Потом сказал мне, что в субботу найдёт недостающую страницу.

— В какую субботу?

— В ту, после которой его самого нашли.

Анна смотрела через ветровое стекло на тёмный дом. Теперь старые листы связывали троих умерших: Артёма, её отца и Виктора Лобанова. Но между ними всё ещё не было доказанной причины — только обещание найти страницу.

— Лидия Сергеевна, не ищите ничего сами и никому не рассказывайте о звонке. Утром вас подробно расспросят.

— Галина уже знает, — сказала Лидия.

— Что именно?

— Что Виктор был у Николая. Она видела его у калитки.

Связь оборвалась не сразу. Несколько секунд Анна слышала дыхание Лидии и далёкий голос диктора. Потом экран погас.

Анна не заводила машину. Она открыла фотографию старого журнала выездов и увеличила подпись. В нынешнем деле Меркулова слишком быстро назвала удобный час и слишком охотно проверила алиби Павла. В старом — её фамилия снова стояла рядом со временем, которое заинтересовало отца.

Два совпадения ещё не составляли систему. Но теперь у следствия был вопрос, который Меркулова не должна была услышать раньше, чем найдётся недостающая страница.

Субботняя ведомость

Утром сторож принёс журнал въезда в следственный отдел в полиэтиленовом пакете из супермаркета. Жданов заставил его вынуть журнал, пакет выбросил и вызвал Котову.

— Я же сохранил, — обиделся сторож.

— Вы принесли документ из места, где побывали десятки людей, в пакете, которым пользуетесь неизвестно сколько.

— Один раз пользовался.

— От этого он не стал упаковкой для доказательств.

Анну пригласили не для исследования журнала, а чтобы сопоставить время записей с медицинскими границами. Она села у стены и сразу сказала:

— Моё заключение не даст точного часа. Не подгоняйте ведомость под интервал и интервал под ведомость.

Сторож Борис Малышев положил перед Котовой толстую тетрадь. На обложке выцвело слово «АМБАРНАЯ», под ним фломастером дописали «ВОРОТА». Страницы были пронумерованы, но не прошиты. В конце каждой недели председатель ставил подпись.

Запись за понедельник читалась ясно: «20:26 Нестеров П., уч. 48, пешком». В графе выхода стояло 21:19. Почерк совпадал с соседними строками Малышева.

— Паспорт проверяли? — спросила Котова.

— Он здесь вырос. Какой паспорт?

— Значит, фамилию записали потому, что узнали человека.

— Конечно узнал. Павел в жёлтой куртке был. Ещё капюшон снял и сказал: «Вечер добрый, Борисыч».

— Лицо видели?

— Видел.

— Он что-нибудь нёс?

Малышев задумался.

— Пакет аптечный. И вроде папку.

— Вчера про папку вы не говорили.

— Вчера не спрашивали.

Котова повернула журнал к свету. Под строкой Нестерова бумага была продавлена ещё одной записью, сделанной на исчезнувшем листе или подложке. Графитовый свет выявлял лишь отдельные штрихи.

— Страницы вырывали? — спросила она.

— Никогда.

— А листы подкладывали?

— Виктор иногда свою тетрадку сверху клал и переписывал номера машин.

Ревизионная тетрадь снова появилась, теперь в виде вдавленных линий. Котова прекратила листать журнал и упаковала его для лаборатории.

Жданов открыл на ноутбуке выгрузку станции скорой. В 20:31 бригада под учётной записью Павла приняла вызов на улице Строителей. В 20:48 отметила прибытие. В 21:12 пациент был передан приёмному отделению. В 21:27 бригада снова стала свободна.

— Красиво, — сказал Малышев. — Значит, я обознался.

— Нет, — ответил Жданов. — Значит, одна фамилия одновременно находилась в двух системах. Кто именно был в каждой точке, устанавливаем отдельно.

Он включил запись камеры приёмного отделения. Из машины вышла Инна Соколова в форменной куртке. Бейдж висел обратной стороной. Водитель Савин катил каталку.

— Лица достаточно, — сказала Котова.

На второй записи Инна приложила к считывателю карту Павла. Система приняла отметку без фотографии и без запроса кода.

— Карта была у неё весь вечер, — сказал Жданов. — Павел передал её заранее. В журнале станции подпись от его имени тоже поставила она.

Анна посмотрела на временную шкалу.

— Это доказывает, что цифровое алиби не принадлежит Павлу. Но в момент смерти мы всё ещё не можем поместить его точнее, чем позволяют другие данные.

— Он был здесь с 20:26 до 21:19, — возразил Малышев.

— Он вошёл и вышел через главные ворота в указанное вами время. Это не показывает, где он находился внутри кооператива каждую минуту.

— А смерть когда?

— Не вопрос для общего обсуждения.

— Так меня самого вызвали.

— Как свидетеля, а не как участника совещания, — сказал Жданов и попросил его ждать в коридоре.

Когда дверь закрылась, он вывел на экран схему «Липок». От ворот до дома матери Павла было сто восемьдесят метров. До башни — почти шестьсот в другую сторону. Камера у хозяйственного проезда сняла человека в жёлтой куртке в 20:39. Лица не видно, но рост и походка соответствовали Павлу.

— Тринадцать минут после входа, — сказал Жданов. — Если он сначала шёл к матери, к башне не успевал.

— Если только не оставил пакет по пути, — заметила Анна.

— Дом матери не по пути.

— Тогда его рассказ неполон.

Из областного бюро прислали журнал событий электронной системы. Карточку контейнера номер двадцать четыре создали в 23:18 с компьютера заведующей. В 07:46 следующего дня изменили описание материала. Первоначальную формулировку журнал сохранил: «волока с шеи, синий шнур».

В комнате стало тихо.

— Тело поступило после полуночи, — сказал Жданов. — Отбор проводили утром. Откуда в одиннадцать восемнадцать ночи взялись волокна с шеи?

— Карточка могла быть заготовлена со слов Павла или после осмотра Меркуловой на месте, — сказала Анна. — Это нарушение порядка, но не обязательно подмена материала.

— И описание само угадало синий шнур.

— На месте нашли зажим, Павел говорил о следе на шее. Меркулова могла предположить. Нам нужен сам контейнер и история его движения.

— Вы её защищаете?

— Я защищаю разницу между подозрением и установленным фактом.

Жданов закрыл ноутбук.

— Поедем к матери Нестерова. Аптечный пакет должен быть там.

Дом Нестеровых стоял за низкой сеткой. На крыльце их встретила Валентина Ивановна — маленькая женщина с перевязанным запястьем. Она отказалась впускать полицейских без Павла, но согласилась говорить во дворе.

— Сыновья приехали около половины девятого, — сказала она. — Принёс лекарства и сразу ушёл.

— Почему сразу?

— Мы поругались.

— Из-за чего?

Она посмотрела на Анну.

— А вы Николая дочь. Я вас помню.

— Да.

— Тогда знаете, как здесь любят лечить чужую жизнь.

Анна промолчала.

— Павел хотел увезти меня в город, — продолжила Валентина Ивановна. — Решил, что я сама не справляюсь. Я сказала, пусть своей жизнью командует. Он оставил пакет и ушёл.

— Во сколько?

— Минут пять пробыл. Часы не смотрела.

— Чек сохранился?

Она принесла пакет. На чеке стояло 19:58, аптека находилась у станции скорой. Покупателем мог быть любой человек, но перечень совпадал с коробками внутри. Среди препаратов не было тех, из-за которых Лобанов якобы обвинял Павла.

— Виктор приходил к вам? — спросил Жданов.

— Утром. Сказал, Павел достаёт сильные лекарства мимо кассы. Неправда. Виктор последнее время в каждом видел вора.

— Павел спорил с ним?

— Выгнал со двора.

— А вечером искал?

Валентина Ивановна сжала перевязанную руку.

— Не знаю.

Жданов заметил движение.

— Вы что-то скрываете не ради себя.

— Я сказала всё.

— Тогда почему Павел попросил Инну подменить его именно до полуночи, если хотел только завезти лекарства?

— Спросите у него.

Когда они вышли за калитку, Анна сказала:

— Повязка свежая.

— Думаете, Павел приезжал её перевязывать?

— Думаю, нужно установить причину травмы и дату, а не угадывать по бинту.

В машине Жданов получил сообщение от Котовой. На обороте аптечного чека карандашом был записан номер участка — 117. Дом Лобанова находился на участке 117.

Павла снова привезли к часу дня. На этот раз он выглядел не испуганным, а уставшим. Защитник сел рядом и потребовал разъяснить, почему добровольный обмен сменой превращают в обвинение в убийстве.

— Не превращаем, — сказал Жданов. — Уточняем маршрут.

Он положил перед Павлом копию чека, не показывая оборот.

— Лекарства куплены. У матери вы были. Почему солгали о башне?

— Я не был у башни.

— Кто тогда прошёл туда в вашей куртке через тринадцать минут после входа?

— Не знаю.

— Карточка станции была у Инны. Куртка — на вас. Сторож видел лицо.

Павел провёл ладонью по столу.

— Я дошёл до хозяйственного проезда. Там свернул.

— К участку сто семнадцать?

Он посмотрел на Жданова слишком быстро.

— Откуда этот номер?

— Ответьте.

Защитник наклонился к нему, но Павел отодвинулся.

— Виктор назначил встречу. Сказал, что знает про смену и про лекарства. Хотел, чтобы я принёс старые журналы медпункта.

— Какие журналы?

— За тот год, когда умер Артём.

Анна почувствовала, как прошлое дело встаёт рядом с нынешним уже не газетной вырезкой, а действием живого человека.

— Откуда у вас журналы? — спросил Жданов.

— Их собирались списать. Галина Петровна велела отвезти коробки на уничтожение. Я не отвёз.

— Почему?

— Там были подписи сотрудников. Если бы потом спросили, всё повесили бы на водителя или на меня. Я спрятал коробку у матери в сарае.

— Валентина Ивановна знает?

— Нет.

— Где коробка сейчас?

— Вчера утром её уже не было.

Жданов сделал паузу.

— Поэтому вы встретились с Лобановым?

— Он сказал, что забрал один журнал и вернёт, если я покажу, кто велел уничтожить остальные. Я пришёл к его участку. Его дома не было. Потом пошёл к башне, потому что там горел свет.

— Вы только что признали, что были у башни.

— До площадки не дошёл. Увидел машину и повернул назад.

— Чью?

Павел посмотрел на Анну, затем на защитника.

— Бюро. Серую служебную машину.

— Кто был за рулём?

— Не видел.

— Почему молчали?

— Потому что машина закреплена за мной по понедельникам. Ключи были у меня до обеда, потом я вернул их в шкаф. Если сказать про машину, вы решите, что я сам на ней приехал.

— А вы приехали пешком.

— Сторож видел.

— Машину мог забрать другой человек вашим ключом?

— Запасной у заведующей.

В объяснении Павла появилась деталь, направлявшая подозрение на Меркулову, но правдой она от этого не становилась. Он уже солгал о маршруте и о причине подмены. Каждое признание отдавал только после предъявления следующего следа.

— Что вы делали после 20:39? — спросила Анна.

Защитник поднял руку:

— Вопросы задаёт следователь.

— Справедливо, — сказал Жданов. — Отвечайте мне.

Павел опустил глаза.

— Вернулся к матери. Она порезала руку, когда полезла в сарай за банками. Я перевязал. Потом ушёл через ворота.

— Почему она это скрывает?

— Потому что полезла не за банками. Она искала коробку с журналами. Я попросил проверить, на месте ли она.

- То есть ваша мать знала о коробке.
- Узнала вчера.
- И порезалась в сарае, где пропали документы старого дела.
- Она ничего не брала.
- Это установим отдельно.

После допроса Жданов запросил добровольный осмотр сарая. Павел согласился, Валентина Ивановна — после долгого разговора с сыном и адвокатом. На пустой полке нашли прямоугольник без пыли и обрывок упаковочного шпагата. Котова изъяла их как следы возможного хранения, не обещая результата.

В углу лежал окровавленный кусок ткани. Рана Валентины Ивановны объяснялась разбитой банкой; осколки сохранились в ведре. Время травмы подтвердить точно было нельзя, но свежесть повязки и слова обоих не противоречили друг другу.

- Получается, у Павла есть свидетель на часть времени, — сказал Жданов на улице.
- Заинтересованный свидетель, — ответила Анна. — И только на неопределённый отрезок.

- Но вы ему верите.
- Я верю, что бинт существует. Остальное проверяется.

К вечеру лаборатория прислала предварительный результат по журналу ворот. Следы давления на странице позволили восстановить фрагменты записи из клетчатой тетради Лобанова: «20.41 сер. мед...» и четыре цифры, похожие на номер машины. Полной строки не было.

Субботняя ведомость, давшая название документу, лежала на предыдущем развороте. В ту субботу, когда Лобанов пересчитывал бейджи, в кооператив въезжала та же серая служебная машина. Водитель не был указан. Против номера стояла пометка ревизора: «ключ не у П.»

Анна перечитала восстановленные слова.

- Лобанов уже проверял, кто пользуется машиной и запасным ключом.
- И записал это в тетрадь, которая исчезла, — сказал Жданов.
- Возможно. Оттиск подтверждает только, что запись была сделана поверх этой страницы.

- Вы можете хоть раз позволить улике быть уликой?

— Именно это я и делаю. Улика — запись о серой медицинской машине. Не имя водителя и не убийство.

Жданов усмехнулся без веселья.

— Хорошо. Тогда на сегодня у нас есть Павел в двух местах: настоящий — в «Липках», цифровой — в машине скорой. И ещё одна служебная машина, которая могла приехать чужим ключом.

— А также широкий интервал смерти, — добавила Анна. — Не забывайте его только потому, что журнал даёт минуты.

Минуты выглядели надёжнее человеческих слов. Именно поэтому они были опасны: каждая относилась лишь к своей двери, карте или экрану. Ведомость доказывала вход Павла. Система скорой — работу Инны под его именем. Ни один документ пока не показывал, кто сдавил шею Лобанова и кто перенёс тело в медпункт.

Но алиби больше не существовало. Осталась чужая смена, надетая как форменная куртка, — и целый час свободы, о котором Павел сначала предпочёл солгать.

Два фельдшера

Инна Соколова пришла на повторный допрос в своей куртке, хотя дежурство у неё закончилось утром. Форменная ткань на плечах лоснилась от дождя, светоотражающая полоса была надорвана у кармана. Бейджа не было.

Жданов заметил это раньше, чем она села.

— Где удостоверение?

— Сдала старшей смены. После вашего звонка велели ничего не носить домой.

— В субботу вы носили бейдж Нестерова.

— Его карточку. Бейдж висел обратной стороной, фамилию никто не видел.

— Вы знали, что камера увидит лицо?

Инна посмотрела на тёмное стекло шкафа, где отражались она, Жданов и Анна. Своего защитника она не пригласила, но адвокат Павла настоял, чтобы при опросе присутствовал представитель станции. Представитель, заместитель главного врача Круглов, сидел у двери и с каждой минутой всё меньше походил на человека, способного защитить учреждение.

— Камера там всегда была, — сказала Инна. — Мы не преступление собирались совершать. Павлу понадобился вечер, я согласилась закрыть смену. Такое бывало.

— Как часто?

— Не считала.

— Тогда посчитаем по табелям.

Круглов кашлянул.

— Кирилл Сергеевич, внутреннее нарушение уже зафиксировано. Но не следует создавать впечатление, будто станция поощряет работу под чужими данными.

— Кто создал это впечатление: я или система, которая приняла чужое лицо, чужую подпись и чужую руку с картой?

— Система не распознаёт лицо.

— Именно.

Анна держала перед собой копию временной шкалы. В ней фамилия Павла Нестерова возникала семнадцать раз: начало смены, получение укладки, осмотр машины, вызов, прибытие, передача пациента. Ни одна отметка сама по себе не доказывала, что рядом находился Павел. Вместе они выглядели безупречно — до тех пор, пока камера не показала Инну.

— Кто предложил обмен? — спросил Жданов.

— Павел.

— Когда?

— В пятницу после дневной смены.

— Где?

— У шкафчиков.

— На словах?

— Да.

— Телефон покажите.

Инна достала аппарат и положила на стол, но руку не убрала.

— Там личное.

— Вы можете добровольно показать только переписку с Нестеровым. Можете отказаться, тогда решим вопрос процессуально.

Она открыла диалог. За пятницу сообщений не было. Последнее от Павла пришло в четверг: фотография списка препаратов и вопрос о недостающих ампулах. Предыдущее — двумя неделями раньше.

— Мы разговаривали лично, — повторила Инна.

— Вы забрали его карту когда?

— Перед сменой.

— Он приехал на станцию?

— Да.

— Камеры у входа его не сняли.

Инна наконец отпустила телефон.

— Значит, передал раньше.

— В пятницу?

— Наверное.

— Вы только что сказали: перед сменой.

Круглов попросил сделать перерыв. Жданов отказал не резко, но так, что просьба стала ещё одним зафиксированным звуком, не повлиявшим на ход разговора.

Анна смотрела на рукав Инны. На записи приёмного отделения куртка казалась слишком широкой в плечах. Это можно было объяснить углом камеры, дождевиком под ней или размером рабочей одежды. Но сейчас светоотражающая полоса на левом рукаве шла ровно, а на видео прерывалась тёмным прямоугольником.

— Куртка на записи ваша? — спросила она.

Инна повернулась.

— А чья ещё?

— Я не устанавливаю принадлежность одежды. Я спрашиваю, узнаете ли вы её как свою.

Жданов увеличил кадр на ноутбуке. Тёмный прямоугольник оказался заплатой над локтем. На куртке Инны заплаты не было.

— На станции форма именная? — спросил он Круглова.

— Выдаётся сотруднику под подпись. Но в комнате отдыха остаются запасные комплекты.

— А у Павла?

— Куртка с заплатой, — тихо сказала Инна. — Он зацепился о ворота зимой.

— Значит, вы работали не только с его карточкой. Вы надели его куртку.

— Моя промокла.

— Дождь начался после девяти. На записи вы в этой куртке в двадцать двадцать семь.

Инна закрыла глаза. Не надолго, будто проверяла ответ в темноте.

— Ладно. Он оставил форму заранее.

— Когда?

— В пятницу.

— Вместе с картой?

— Да.

— Зачем вам его форма, если речь шла о дружеской подмене, которую можно потом исправить в табеле?

Она не ответила.

В дверь постучала Котова и передала Жданову прозрачный пакет. Внутри лежал журнал выдачи ключей и карт станции. У строки субботней смены было две подписи: Нестеров получил комплект в 19:41, Нестеров вернул его в 08:16. Обе теперь следовало читать как действия разных людей либо как чужие подписи одного человека.

— Кто расписался за получение? — спросил Жданов.

— Я.

— Дежурная видела вас.

— Она была занята машиной.

— И не заметила, что перед ней не Нестеров?

— Я не подходила к ней. Журнал лежал на стойке.

— Карта уже была у вас, но вы всё равно расписались за её получение.

Инна нахмурилась. В её версии появилось лишнее действие, которое прежде казалось обычной формальностью. Если Павел отдал карту в пятницу, субботняя запись о выдаче не соответствовала реальному движению предмета. Если карта лежала на станции до смены, он не мог передать её заранее.

— Откуда вы её взяли? — спросил Жданов.

— Из его шкафчика.

— Ключ?

— Шкафчик не запирается.

Круглов покачал головой.

— Запирается. После кражи телефонов заменили все замки.

Инна резко посмотрела на него, словно именно он нарушил договорённость.

— Павел дал мне ключ.

— Когда?

— В пятницу.

— Тогда зачем история о форме, оставленной заранее? Вы могли сказать сразу, что забрали всё из шкафчика.

— Потому что вы делаете из каждой неточности заговор.

— Неточности уже дали Нестерову алиби на время возможного убийства.

Анна вмешалась прежде, чем Инна успела ответить:

— Не на время убийства. На часть интервала, который первоначально назвала Меркулова. Действительный интервал шире.

Жданов коротко кивнул. Поправка была важна не только для протокола. Инну пугало слово «убийство», и страх заставлял её защищать готовую конструкцию, не замечая, что конструкция уже разрушена.

— Кто знал, что Павел не выйдет? — спросил он мягче.

— Я и Павел.

— Водитель Савин?

— Узнал на смене.

— Старший врач?

— Не видела его.

— Меркулова?

Инна слишком быстро сказала:

— Нет.

— Я не спрашивал, встречались ли вы. Я спросил, знала ли она.

— Откуда ей знать?

Жданов достал распечатку звонков. В пятницу в 18:12 Инна разговаривала с Меркуловой три минуты сорок секунд. В субботу — в 19:36, ещё до начала смены, и в 21:43, за несколько минут до того, как Павел вызвал заведующую в медпункт.

— Обсуждали анализы моей тёти, — сказала Инна, едва взглянув на лист.

— Трижды?

— У неё сахар.

— В двадцать один сорок три ваша бригада уже освободилась после вызова. Что именно вы сообщили Меркуловой?

— Ничего про Павла.

— Тогда про что?

— Спросила, где найти запасной датчик. На машине барахлил основной.

Круглов поднял голову.

— Датчики хранятся на станции. Галина Петровна ими не заведует.

Инна сжала пальцы так, что ногти побелели.

Анна вспомнила, как Меркулова в медпункте появилась уже с готовым узким интервалом и с готовым знанием о смене Павла. Тогда это выглядело как быстрая проверка очевидного подозреваемого. Теперь возникал другой порядок: сначала договорённость об обмене, затем отсутствие Павла, потом звонок Инны — и только после этого алиби, которое заведующая предъявила как независимый факт.

— Галина Петровна попросила меня выйти, — сказала Инна.

Круглов откинулся на спинку стула.

— На каком основании?

— Сказала, Павлу нужно побыть с матерью. У Валентины Ивановны обследование плохое. Если оформить обмен официально, его не отпустят: двое на больничном, график уже подписан. Галина Петровна сказала взять карту, форму и не устраивать разговоров.

— В пятницу?

— Да.

— Павел присутствовал?

— Нет.

— Он сам просил вас об обмене?

Инна молчала.

— Он знал, что вы выйдете вместо него?

— Знал. Я позвонила ему потом.

— Почему переписки нет?

— Потому что звонила.

В детализации был короткий вызов Павлу в 18:19. Семнадцать секунд.

— За семнадцать секунд вы обсудили всю смену?

— Я сказала: «Галина Петровна попросила, я выйду». Он ответил: «Спасибо».

— А ключ от шкафчика?

— Был у неё.

Теперь представитель станции не делал замечаний. Он записал что-то на полях своего блокнота и подчеркнул дважды.

— У заведующей есть ключи от шкафчиков сотрудников? — спросил Жданов.

— Мастер-ключ хранится в опечатанном боксе у старшего смены, — ответил Круглов.
— Доступ отмечается.

— Запросим журнал.

Инна заговорила торопливо:

— Она не открывала при мне. Принесла пакет: куртка, карточка, ключ от укладки. Я решила, Павел передал ей сам.

— Раньше вы утверждали, что он оставил форму.

— Я защищала его.

— От чего?

— От увольнения.

— А Меркулову?

Инна подняла глаза.

— Её все защищают. Даже когда не просит.

После перерыва Котова принесла копию журнала мастер-ключа. В пятницу в 17:58 бокс открывала Меркулова. Причина: «инвентаризация шкафов». Подписи второго сотрудника, обязательной при вскрытии бокса, не было. Павел в это время находился на выезде; навигационная запись машины подтверждала маршрут.

Форма и карта попали к Инне не от него.

— Он мог заранее попросить Галину Петровну, — сказал Жданов.

— Мог, — согласилась Анна. — Но тогда нужно подтверждение, а не удобная последовательность.

Они перешли в соседний кабинет, оставив Инну с Кругловым. На столе лежали два листа: детализация звонков и журнал мастер-ключа. Между ними умещалось решение, принятое ещё до смерти Лобанова.

— Меркулова заранее знала, что Павел будет свободен вечером, — сказал Жданов. — Более того, сама устроила ему свободное время.

— Это не означает, что она знала о встрече с Лобановым.

— Она открыла шкафчик, вынула карту и форму, велела Инне изображать Нестерова. Потом в медпункте сообщила нам: Нестеров на смене.

— Да. Это означает, что его алиби было ей известно как ложное.

— И всё равно она его предъявила.

Анна посмотрела на время первого звонка. Пятница, 18:12. На тот момент коробка с журналами уже пропала из сарая: Павел утверждал, что не нашёл её утром. Лобанов уже искал недостающую страницу. Меркулова могла знать и то и другое, но пока это оставалось предположением.

— Нужно выяснить, зачем ей понадобилось освобождать Павла, — сказала Анна. — Забота о матери объясняет мотив, но не тайный способ. Официальный обмен оставил бы две фамилии. Неофициальный оставил одну — Павла.

— То есть ей было важно именно его цифровое присутствие на станции.

— Или отсутствие фамилии Инны в таблице. Но проверить надо обе версии.

Жданов усмехнулся.

— Вы и сейчас оставляете ей выход.

— Оставляю проверке выбор.

В журнале вызовов той ночи обнаружилась ещё одна странность. В 19:36, сразу после разговора Инны с Меркуловой, учётная запись Павла открыла карточку незавершённого вызова без адреса. Через минуту карточку закрыли как ошибочную. Сервер сохранил рабочее место: диспетчерский терминал, не планшет бригады.

Диспетчер Орлова вспомнила, что Меркулова заходила на станцию перед дежурством.

— Принесла Инне пакет и спросила, точно ли карта работает, — рассказала она. — Инна приложила её к считывателю. Экран показал Нестерова. Галина Петровна сказала: «Значит, порядок».

— Вас не удивило? — спросил Жданов.

— Удивило. Но она заведующая бюро, не моя начальница. Я решила, у них проверка пропусков.

— Инна была в форме Павла?

— Куртка лежала в пакете. Надела потом.

— Кто ещё это видел?

— Савин. И санитарка могла пройти.

— Павел приходил?

— Нет.

Рассказ Орловой превращал обмен из дружеской уловки двух фельдшеров в заранее проверенную подмену. Меркулова убедилась, что чужая карточка создаёт запись под фамилией Павла. Она не могла предвидеть все вызовы вечера, но могла быть уверена: система накопит его отметки.

Жданов вызвал Савина. Водитель явился через час, сел на край стула и сразу спросил, лишат ли его работы.

— Зависит не от меня, — сказал Жданов. — Расскажите, что видели до смены.

— Инна была с пакетом. Куртку надела. Спросил, зачем маскарад. Она сказала: «Старшие решили».

— Кто именно?

— Не назвала. Потом Галина Петровна вышла из диспетчерской.

— Вы знали, что карта Павла?

— На вызове понял. Она отметилась, фамилия высветилась.

— Почему не сообщили?

Савин потёр переносицу.

— Потому что неделю назад я сам попросил Нестерова закрыть за меня два часа. Жена рожала. Если докладывать, докладывать на всех.

— Меркулова знала про тот случай?

— Она тогда и сказала Павлу остаться.

Так возник второй обмен, уже не связанный с «Липками». Жданов запросил запись за тот вечер. На камере Павел действительно работал вместо Савина, но в системе часть времени числился водитель. Меркулова не придумала способ ради одного убийства. Она пользовалась привычкой учреждения закрывать кадровые провалы чужими именами — и знала, насколько убедительным выглядит электронный след.

Для Анны это делало картину не проще, а опаснее. Разовый подлог выдавал намерение. Обычай позволял спрятать намерение среди десятков уступок, просьб и срочных замен.

— Когда Галина Петровна позвонила Инне в двадцать один сорок три, вы слышали разговор? — спросил Жданов.

— Только ответ Инны. Она сказала: «Да, он там».

— Кто — он?

— Я решил, пациент. Потом она вышла из машины и говорила тише.

Инну пригласили обратно. Услышав слова Савина, она перестала отрицать звонок.

— Галина Петровна спросила, отметилась ли карта на вызове, — сказала она. — Я ответила, что да, Павел в системе.

— Савин слышал: «Он там».

— Я могла так сказать.

— Почему вы подтверждали очевидное спустя два часа после проверки на станции?

— Она волновалась, что карту заблокируют.

— Или ей нужно было знать, что у Павла появилось алиби?

— Она не говорила слово «алиби».

Это был точный ответ, и потому он прозвучал хуже уклончивого.

Анна спросила:

— Инна, когда вы впервые узнали о смерти Лобанова?

— Ночью. Павел позвонил около десяти.

— В детализации нет звонка Павла вам.

— Тогда от Галины Петровны.

— Её звонок был в двадцать один сорок три. Павел вызвал её к телу в двадцать один пятьдесят две.

Инна застыла.

— Значит, позже узнала. Я путаю.

— Что именно сказала Меркулова в двадцать один сорок три?

— Спросила про карту.

— И больше ничего?

— Сказала, чтобы я не снимала куртку до конца смены и нигде не называла своё имя.

— До того, как получила вызов о найденном теле.

— Я не знаю, когда ей позвонили.

Жданов не стал отвечать. Время звонка Павла подтверждалось детализацией и записью дежурного телефона. До 21:52 официального сообщения Меркуловой не было.

Инна заговорила почти шёпотом:

— Она сказала: «Если спросят, Нестеров всё время был в бригаде». Я решила, Павел снова попался с журналами или с лекарствами. Не думала, что кто-то умер.

— Вы согласились подтвердить заведомую неправду.

— Я согласилась не оставлять станцию без фельдшера. Всё остальное придумали потом.

— Нет, — сказала Анна. — Слова про «всё время» прозвучали раньше.

Инна посмотрела на неё с обидой, словно ждала от врача профессиональной солидарности.

— Вы никогда никого не подменяли?

— Подменяла. Под своим именем.

— В городе у вас людей хватало.

— Иногда не хватало. Это не меняет фамилию человека, который работал.

К концу дня Жданов составил новую временную схему. В пятницу Меркулова открыла шкафчик Павла и передала Инне форму с картой. В субботу сама проверила, что карта создаёт запись. В 21:43 потребовала подтвердить присутствие Павла в системе и сохранять подмену до утра. Через девять минут Павел сообщил ей о теле. После приезда в «Липки» Меркулова назвала узкий интервал смерти, внутри которого электронная система помещала Павла на вызове.

На схеме всё выглядело как подготовка алиби. Но оставался вопрос, кому оно было нужно. Павлу — чтобы скрыть незаконный уход и встречу с Лобановым. Меркуловой — чтобы направить расследование от человека, который на самом деле находился в кооперативе, или, наоборот, чтобы потом разрушить его защиту в удобный момент. Инне — только чтобы не потерять работу, если верить её объяснению.

— Мы можем изъять её телефон? — спросила Анна, когда они остались вдвоём.

— Меркуловой предложим добровольную выдачу. Если откажется, пойду за разрешением. Но детализация уже показывает главное.

— Она знала о подмене раньше смерти.

— И знала, что Лобанов мёртв, раньше звонка Павла.

— Нет. Пока мы знаем только, что до звонка она велела сохранить ложную фамилию. Не добавляйте знание о смерти без источника.

Жданов провёл линию от звонка в 21:43 к отметке «21:52 — сообщение о теле».

— Девять минут.

— Девять минут для проверки, не для вывода.

Он отложил ручку.

— Иногда мне кажется, что вы держите дверь открытой специально для неё.

Анна вспомнила Меркулову у секционного стола: уверенные руки, короткие распоряжения, раздражение от каждого вопроса, который не укладывался в готовый час смерти. Потом вспомнила отцовскую пометку на старом заключении: «С чем сопоставляла?» Тот же вопрос разделял документ и догадку восемь лет назад.

— Я держу дверь открытой для факта, который ещё не вошёл, — сказала она. — Если закрыть раньше, внутри останется тот, кого мы уже выбрали.

Перед уходом Котова принесла ответ службы безопасности станции. Карта Павла использовалась не только в машине и приёмном отделении. В 19:37 ею открыли боковую дверь бюро судебной медицины — ту, которая вела к хозяйственному коридору и хранилищу расходных материалов.

На видеозаписи у двери появилась Меркулова. Она приложила карту Павла, вошла одна и через четыре минуты вышла с плоским синим контейнером в руке. Инна в это время находилась на станции скорой, в его куртке. Сам Павел шёл от ворот «Липок» к дому матери.

Одна карта создала в течение минуты два разных следа: имя Павла появилось на диспетчерском терминале и на двери бюро. Ни один след не принадлежал ему.

— Контейнер номер двадцать четыре? — спросил Жданов.

— По видео номер не прочесть, — ответила Котова. — Но размер и цвет совпадают с серией.

Анна попросила увеличить кадр. На крышке виднелась белая полоса этикетки, пока без различимой надписи. Меркулова несла контейнер не в пакете и не в транспортном боксе, будто переносила обычную папку между кабинетами.

— Карточку контейнера создали в 23:18, — сказала Анна. — А сам предмет мог выйти из хранилища почти за четыре часа до этого.

— По карте Нестерова, — добавил Жданов.

Теперь ложное алиби оказалось не только прикрытием Павла. Его фамилия стала инструментом доступа, которым пользовались два человека в разных местах. Инна носила её на вызовы. Меркулова открывала ею дверь к материалам, из которых позднее возник образец, якобы взятый с шеи Лобанова.

Два фельдшера существовали весь вечер: живой Павел в «Липках» и бумажный Павел, послушно перемещавшийся по экранам. Но к ночи появился третий — тот, чьё имя приложили к замку бюро. И именно этот Павел, никогда не входивший в здание, мог оставить самый опасный след.

Первая проба

Контейнер номер двадцать четыре стоял в холодильном шкафу на второй полке между двумя прозрачными коробками. Синий пластик выглядел новым, белая этикетка — слишком чистой рядом с потёртыми крышками соседних образцов.

Анна не открывала шкаф. После видеозаписи у боковой двери Жданов ограничил доступ к хранилищу и вызвал независимого специалиста из областного бюро. До его приезда оставалось два часа. Меркулова потребовала допустить её к работе, получила письменный отказ и ушла в кабинет, хлопнув дверью без привычной сдержанности.

— Она может сказать, что вы парализовали отделение, — заметила Анна.

— Уже сказала. Ещё сказала, что здесь портятся материалы по четырём другим делам.

— Они не портятся. Температура стабильна, шкаф подключён к резервному питанию.

Но выдачу по срочным исследованиям придётся оформить при понятых.

— Вы всё ещё думаете как сотрудник бюро.

— Я думаю о четырёх других делах.

Котова фотографировала пломбы на двери. В коридоре пахло старым линолеумом и спиртовым раствором. За стеной работал компрессор холодильника — ровно, с короткой паузой каждые семь минут. Анна поймала себя на том, что считает эти паузы. После нескольких суток, где минуты использовали как оружие, даже обычный цикл машины казался показанием.

Независимый эксперт приехал вместе с лаборантом и переносным регистратором температуры. Его звали Олег Брагин; Анна знала его по областным совещаниям, но никогда с ним не работала. Он поздоровался со всеми одинаково сухо и прежде всего попросил журнал доступа, акт опечатывания и список сотрудников, касавшихся материалов.

— Обстоятельства смерти мне пока не рассказывайте, — сказал он. — Сначала хочу увидеть, что есть, а не что должно найтись.

Эта просьба понравилась Анне.

Шкаф открыли под непрерывную видеозапись. Котова зачитала номера пломб. Брагин проверил показания встроенного датчика и своего прибора, затем по одному назвал предметы на полках. Контейнер номер двадцать четыре изъяли последним.

На крышке была наклейка: «Лобанов В. С. Волокна с шеи». В правом углу стояло время — 07:42. В электронной карточке описание изменили в 07:46.

— Четыре минуты разницы допустимы, — сказал Брагин. — Если сначала подписали от руки, потом внесли в систему.

— Карточка создана в 23:18 накануне, — сообщил Жданов.

— Тогда это другая часть истории. Я пока смотрю предмет.

Крышку пересекала полоска контроля вскрытия. Один край полоски прилегал плотно, второй образовал маленькую складку. Брагин осветил её сбоку.

— Вскрытие?

— Не утверждаю. Так бывает, если наклеивали на холодный пластик или передавили пальцем. Сначала микросъёмка.

Лаборант установила масштабную линейку. Складку сняли с четырёх углов, затем контейнер взвесили и записали массу. На дне лежали два бумажных пакета с ватными аппликаторами и маленький свёрток из кальки. Каждый имел свой номер, но только на одном стояли инициалы Анны.

Она сразу узнала почерк.

— Этот пакет подписывала я. Мазок с правого края странгуляционной борозды, утро вторника.

— Второй? — спросил Брагин.

— Не мой.

На втором было написано: «шейная складка, син. вол.», без стороны, без времени и без фамилии отбиравшего. Чернила расплылись у буквы «в», будто надпись коснулась влаги.

— В журнале утреннего отбора сколько объектов? — спросил Брагин.

Анна открыла свою копию протокола.

— Два мазка с границ следа, контрольный мазок с неповреждённой кожи, срез ногтевых пластин, волосы и одежда отдельно. Свободные волокна я собирала на белый лист и упаковала в кальку.

— То есть второй аппликатор с такой подписью в вашем перечне отсутствует.

— Да.

— А свёрток?

Калька была закреплена бумажной лентой. На ней стояли дата, время 08:03 и подписи Анны с лаборанткой. Брагин не стал разворачивать её в хранилище.

— Три внутренних объекта, один не описан в первичном протоколе, — подытожил он. — Это нарушение цепочки. Происхождение устанавливает следствие.

Меркулову пригласили присутствовать при вскрытии как сотрудника, оформившего электронную карточку. Она вошла в одноразовом халате, волосы убрала под шапочку и остановилась дальше от стола, чем требовалось.

— Я создала заготовку, — сказала она до первого вопроса. — Павел сообщил о следе на шее и синем шнуре. Чтобы утром не терять время, открыла карточку заранее.

— Почему вынесли контейнер из хранилища в 19:37? — спросил Жданов.

— Не выносила.

Котова показала кадр с боковой камеры.

Меркулова наклонилась к экрану.

— Это набор для отбора. Пустой.

— Почему открыли дверь картой Нестерова?

— Моя не сработала. Карта лежала в пакете с формой, я воспользовалась ближайшей.

— Вы знали, что она оставит его имя в журнале?

— Тогда не думала об этом.

— Зато потом создали карточку образца со своей учётной записи.

— Потому что контейнер вернула я.

— Когда?

— После осмотра места.

— На место вы приехали после двадцати двух часов. Карточку создали в 23:18. Похоже по времени. Но почему сейчас контейнер содержит объект, которого не было в утреннем протоколе?

Меркулова посмотрела на второй бумажный пакет.

— Павел мог взять мазок до моего приезда.

— Он отрицает.

— Павел многое отрицал.

Анна подошла ближе к столу, не касаясь разложенных предметов.

— Если мазок взяли на месте, он должен был поступить вместе с телом. В сопроводительном листе такого объекта нет.

— Сопроводительный лист заполняли ночью. Могли пропустить.

— Кто расписался на упаковке?

— Не помню.

— Никто.

Меркулова впервые посмотрела прямо на неё.

— Ты решила, что любой пропуск теперь мой умысел?

— Я решила, что пропуск остаётся пропуском, пока его происхождение не установлено.

— Очень удобная позиция. Можно не отвечать ни за один вывод.

— Наоборот. За границы вывода тоже отвечают.

Брагин поднял руку, останавливая спор.

— Мы разделим объекты. Сначала внешний осмотр и микрочастицы с упаковки, потом содержимое. Никто из присутствующих не будет подсказывать ожидаемый результат.

В лабораторной комнате включили вытяжку. Контрольный мазок Анны оказался чистым от видимых волокон; на аппликаторе был слабый буровато-серый след. Мазок с неподписанного пакета имел яркую синюю нить, лежавшую поверх ваты почти прямой линией.

Брагин посмотрел в стереомикроскоп и отодвинул окуляры.

— Она не внедрена глубоко. Это само по себе ничего не решает: свободное волокно могло лечь при касании. Но на аппликаторе почти нет кожного материала.

— Можно определить, касался ли он тела? — спросил Жданов.

— После исследований — возможно, в вероятностной форме. Не превращайте предварительное наблюдение в ответ.

Анна почувствовала благодарность за эту фразу и одновременно раздражение: она слышала собственный голос со стороны.

Свёрток из кальки содержал семь коротких волокон, собранных ею с поверхности кожи. Два были синими, три серыми, одно прозрачным, ещё одно красно-коричневым. Они различались толщиной и формой среза. Никакой единой «синей петли» набор пока не доказывал.

— Если человек носил одежду, его шея и воротник собирают волокна постоянно, — сказала Анна. — Значимы сочетание, положение, следы контакта и сравнение с предполагаемым источником.

— А у нас источника нет, — сказал Брагин.

— Шнур пропал.

— Значит, не будем делать вид, что нашли его по одной нитке.

Меркулова стояла у стены. На её лице не было ни облегчения, ни тревоги. Только усталость человека, которого заставили наблюдать медленную работу там, где он привык распоряжаться результатом.

Брагин перешёл к гистологическим блокам. Их изготовили из тканей шеи, кровоизлияний и краёв ссадины на виске. Каждый блок имел номер, соответствующий утреннему журналу, но время фиксации указывалось одно для всей группы: 08:25.

— Материал до этого хранился где? — спросил он.

— Тело поступило в холодильную камеру после полуночи, — ответила Анна. — Исследование начато утром.

— Тогда по блокам нельзя получить час повреждения с точностью, указанной в первичном заключении.

Меркулова возразила:

— Час определялся по совокупности: температура тела, выраженность посмертных изменений, показания на месте.

— Я говорю только о блоках. Они могут помочь различить прижизненную реакцию и посмертное повреждение, иногда — оценить порядок процессов. Узкий календарный интервал в один час из них не следует.

— Я и не писала, что следует только из них.

— В вашем дополнении написано: «морфологические данные согласуются со смертью между двадцатью и двадцать одним часом».

— Согласуются — не значит доказывают.

— Согласуются они и с более широким промежутком, — сказала Анна. — Формулировка выделяет один участок без объяснения, почему исключены соседние.

Меркулова сняла перчатки и бросила их в контейнер.

— Ты получила московское место благодаря умению спорить о предложениях?

— Благодаря тому, что не ставила час там, где его нет.

— А вернулась сюда, чтобы проверить, как мы работаем без тебя?

Анна успела заметить, как Жданов поднял голову. Он услышал личное и приготовился использовать его как давление. Она не дала ему такой возможности.

— Я вернулась похоронить отца. В деле Лобанова я отвечаю за исследование. Остальное не относится к образцам.

Брагин запечатал препараты для повторного просмотра.

— Мне нужны исходные цифровые снимки, журналы окраски и остатки парафиновых блоков. Заключение дам после слепого просмотра двумя специалистами.

— Сколько времени? — спросил Жданов.

— Первичное — завтра. Полное зависит от дополнительных методов.

— Что можно сказать сейчас?

— Что доступные материалы не подтверждают узкий час смерти. Не опровергают событие внутри этого часа, но не отделяют его от соседних часов. И что происхождение одного аппликатора документально не установлено.

Котова записала формулировку дословно.

После обеда проверили бумажный путь контейнера. В журнале расходных материалов синий комплект значился выданным Меркуловой в 19:38. Возврата пустой тары не было. В журнале приёма вещественных объектов номер двадцать четыре появился в 00:37, но строку вписали между двадцать третьим и двадцать пятым другим почерком. Подпись приёмщика принадлежала ночному санитару Погодину.

Погодин пришёл на работу раньше смены и долго протирал очки, прежде чем взглянуть на копию.

— Подпись моя, — признал он. — Строка не моя.

— За что расписались? — спросил Жданов.

— За тело и одежду. Там было много пакетов.

— Синий контейнер видели?

— Не помню.

— Кто заполнял журнал?

— Галина Петровна. Сказала, я опять номер пропустил, велела подписать.

— Когда?

— Утром.

— В строке стоит 00:37.

Погодин покраснел.

— Она сказала поставить время приёма машины. Я не подумал.

— То есть утром вы подтвердили ночное получение предмета, которого могли не видеть.

— Я подтвердил поступление. Всё приехало одной машиной.

— Откуда знаете, если не проверили?

Санитар снял очки снова. Без них его взгляд стал беспомощным.

— Здесь всегда доверяли друг другу.

Анна отвернулась к окну. Доверие в бюро имело материальную форму: пустая строка, подпись по просьбе, время со слов старшего. Каждая мелочь сэкономила пять минут ночью и отнимала возможность восстановить правду потом.

— Кто привёз тело? — спросил Жданов.

— Павел на серой машине.

— Павел Нестеров?

— Нет, водитель Павел... — Погодин замолчал. — Господи, фамилию не помню. Молодой из перевозки. Все его Пашкой зовут.

В комнате на секунду возник ещё один Павел, на этот раз настоящий, но не тот. Котова нашла транспортный лист: водитель Павел Лосев, санитарка Марина Гущина. Машина прибыла в 00:34.

— Нестеров к доставке отношения не имел, — сказала Анна.

— А в журнале одна фамилия вообще не указана, — ответил Жданов. — Удобный язык: Павел, машина, контейнер. Потом каждый вспоминает своего.

Лосева нашли по телефону. Он помнил два чёрных транспортных мешка с одеждой и один бумажный пакет, переданный следственной группой. Синего контейнера не видел. Гущина подтвердила его слова и добавила: Меркулова приехала раньше машины, ждала у служебного входа.

— С чем она была? — спросил Жданов.

— С медицинской сумкой. Синяя или чёрная, в темноте не разберёшь.

Это не доказывало, что контейнер находился у неё. Но версия о доставке вместе с телом лишилась единственного свидетеля: Погодин подписал строку утром, не проверив предмет.

Анна запросила фотографии первоначального осмотра шеи. На крупных кадрах среди кожных складок виднелись несколько волокон, но яркая синяя нить, лежавшая на неподписанном аппликаторе, не просматривалась. Качество снимков позволяло увидеть её, если бы она находилась на открытой части следа.

— Значит, добавили позже, — сказал Жданов.

— Значит, на фотографиях её нет. Она могла находиться вне кадра, под воротником или на другой стороне. И мы не знаем, где именно провели аппликатором.

— Потому что упаковка не подписана.

— Поэтому происхождение не установлено.

— Вы умеете испортить хорошее обвинение одной точной фразой.

— Хорошее обвинение выдержит точную фразу.

К вечеру Брагин закончил предварительный просмотр блоков. Кровоизлияния в мягких тканях подтверждали прижизненное сдавление шеи. Ссадина на виске имела слабую тканевую реакцию, недостаточную для уверенного определения момента, но не противоречила повреждению около смерти. Признаков, способных сузить интервал до 20:00–21:00, не было.

Он также сравнил состояние двух аппликаторов. Пакет Анны содержал влажностный индикатор, изменивший цвет в пределах нормы. Неподписанный пакет был из другой партии; срок его изготовления и номер поставки относились к прошлому году.

— Такие ещё были в бюро? — спросил Жданов.

Кладовщица проверила остатки.

— Партию списали весной. Несколько пакетов могли остаться в выездных наборах.

— В том числе в наборе, который Меркулова вынесла в субботу?

— Если набор старый — да. Но комплектацию никто поштучно не фотографирует.

Старая упаковка связывала неизвестный мазок не с утренним отбором, а с выездным запасом. Связь была косвенной: один и тот же пакет мог лежать в шкафу, машине или забытом чемоданчике. Тем не менее история Меркуловой о мазке Павла получила проверяемую границу. Павел не числился получателем выездного набора и утверждал, что к телу аппликатором не прикасался.

Его вызвали для дополнительного опроса. Защитник запретил показывать содержимое контейнера, пока вопросы не будут сформулированы, но согласился на опознание упаковки по фотографии.

— Пакет видел у Галины Петровны, — сказал Павел. — Когда она приехала в медпункт.

— Она брала мазок?

- Достала палочку, потом убрала. Сказала, при плохом свете брать нельзя.
- Касалась шеи?
- Не видел. Я стоял у двери.
- Кто был ближе?
- Она и председатель. Потом председатель вышел.
- Почему раньше не сообщили?
- Вы не спрашивали про палочку.

Ответ почти дословно повторял сторожа с его папкой. Люди не рассказывали событие целиком; они выдавали лишь то, что считали ответом на конкретный вопрос. Между вопросами оставались пространства, куда удобно помещалась чужая версия.

- Меркулова осматривала тело до приезда следственной группы? — спросила Анна.
- Да. Перчатки надела, шею посмотрела. Потом сказала ничего не трогать.
- Синий шнур был?
- Не видел.
- Она называла его?

Павел задумался.

- Спросила, где шнур от бейджа. Я тогда только понял, что его нет.
- До этого вы сообщали ей только о следе на шее?
- По телефону сказал: Виктор мёртв, на шее полоса, стул рядом. Про бейдж не говорил.

Если Павел помнил точно, Меркулова знала об отсутствующем шнуре до осмотра одежды в бюро. Она могла заметить пустой зажим на месте. Но первоначальное описание карточки — «волокна с шеи, синий шнур» — звучало так, будто источник уже существовал как отдельный предмет.

Анна вернулась к фотографиям. На груди Лобанова лежал металлический зажим бейджа. В его пазу сохранился короткий обрывок ткани. Цвет на снимке казался тёмным, почти чёрным. При холодном свете лаборатории он мог оказаться синим.

- Вот откуда она могла знать цвет, — сказала Анна.

Жданов раздражённо приблизил изображение.

- Вы снова нашли невиновное объяснение.

— Я нашла источник знания, доступный любому на месте. Если его не учесть, обвинение будет ложным в этой части.

- А старый аппликатор без подписи?
 - Остаётся необъяснённым.
 - Контейнер, который она вынесла заранее?
 - Остаётся фактом.
 - Карточка до поступления тела?
 - Остаётся фактом.
 - Тогда что меняется?
 - Мы не будем утверждать, будто только убийца мог знать цвет шнура.
- Жданов молчал несколько секунд, потом закрыл фотографию.
- Ладно. Это я запишу.

Перед окончанием рабочего дня пришёл ответ по серверному времени. Карточку номер двадцать четыре создали в 23:18, но номер зарезервировали ещё в 19:39, через две минуты после того, как Меркулова открыла боковую дверь картой Павла. Система автоматически присваивала номер при сканировании пустой заводской метки. Поля можно было заполнить позднее.

Значит, контейнер действительно существовал в системе до обнаружения тела — пока ещё пустой, без фамилии Лобанова и без описания волокон. В 23:18 Меркулова добавила имя

и слова о синем шнуре. В 07:46 исправила описание. В 08:25 внутрь положили документированные образцы Анны. Когда появился неподписанный аппликатор, журнал не показывал.

— Мы видим три разных времени одного предмета, — сказала Анна. — Резервирование пустой тары, заполнение карточки и помещение материалов. Их нельзя называть одним «временем образца».

— Но Меркулова связала пустой контейнер с Лобановым до поступления тела.

— После осмотра места. Это нарушение порядка и возможная подготовка подмены. Не сама подмена.

Брагин передал предварительную справку. В ней было четыре коротких вывода: смерть наступила в результате механического сдавления шеи; ссадина от удара о стул не объясняет смерть; исследованные ткани не позволяют выделить час 20:00–21:00; происхождение второго аппликатора и синего волокна документально не подтверждено.

Анна перечитала последнюю строку. Она не называла виновного и не спасала Павла. Зато отнимала у старой версии право притворяться точной.

Первая проба оказалась не волокном и не мазком. Первой пробой было само время: кто и когда превратил пустой контейнер в доказательство. Оно не отвечало, кто убил Лобанова, но показывало, что узкий интервал возник раньше надёжного исследования — и пережил его только потому, что люди подписывали чужие слова как собственную память.

Ревизор без папки

Рабочее место Виктора Лобанова занимало половину комнаты правления кооператива. Вторая половина принадлежала бухгалтеру и по-прежнему выглядела обитаемой: кружка с выцветшими ромашками, калькулятор под прозрачным чехлом, связка квитанций, прижатая дыроколом. На столе ревизора не осталось ничего личного. Только прямоугольник чистой столешницы отличался от пыльной поверхности вокруг.

— Здесь лежала папка? — спросила Анна.

Председатель «Липок» Сергей Кузьмин показал ладонями толщину.

— Клетчатая тетрадь и скоросшиватель. Виктор всё таскал вместе. Скоросшиватель серый, тетрадь школьная, большая. Он говорил: если цифра не помещается в клетку, значит, её хотят спрятать.

— Когда вы видели их в последний раз? — спросил Жданов.

— В субботу после обеда. Он сидел здесь, ругался с компьютером. Потом взял всё и пошёл к старому медпункту.

Следователь записал ответ и попросил Котову пригласить бухгалтера. Анне он позволил остаться потому, что среди бумаг могли быть документы старого выезда. Она понимала границу: кабинет осматривал не эксперт, а следственная группа; сама она могла лишь объяснить медицинские названия, если такие встретятся.

На стене висела схема участков. Красными булавками были отмечены должники, зелёными — те, кто внёс целевой платёж на ремонт водонапорной башни. Участок Лидии Лобановой, матери Артёма, значился без долгов. Рядом с номером медпункта булавки не было вообще.

— Что именно проверял Виктор? — спросил Жданов.

Кузьмин вздохнул.

— Всё. Поэтому с ним было тяжело, зато касса сходилась. В этот раз — деньги на башню и старые долги. Ещё аренду медпункта. Мы его районной поликлинике отдаём почти даром.

— Бюро судебной медицины к аренде отношения не имеет.

— Сейчас нет. А восемь лет назад медпункт использовали все: фельдшеры, дежурный врач, иногда ваши выездные. После смерти мальчика Виктор начал спрашивать, кто платил за бензин, кому выдавали ключи, почему вызов приняли раньше, чем машина выехала. Сначала думал, что сестра ищет виноватого. Потом сам втянулся.

Анна подошла к схеме. От медпункта к башне вела нарисованная от руки дорожка, которой не было на общей карте кооператива.

— Эта тропа существует?

— Служебная. Заросла почти. По ней раньше носили реактивы для воды.

— Виктор ею пользовался?

— Ходил везде, где можно что-нибудь проверить.

Бухгалтер Тамара Невзорова вошла с ключами на длинной пружине и сразу сказала, что денег не брала. Жданов не возразил, дождался, пока она сядет, и положил перед ней фотографию стола, сделанную председателем в пятницу. На снимке лежали клетчатая тетрадь, серый скоросшиватель и три распечатки с цветными полосами.

— Узнаёте документы?

— Платежи узнаю. Синее — взносы на башню, жёлтое — электричество. Третье не моё.

— А скоросшиватель?

— Виктор сам принёс. На обложке было написано «А. Л.». Я спросила, не Артём ли. Он закрыл.

— Когда?

— В пятницу вечером. Он тогда обнаружил два платежа одной суммы. Один прошёл как ремонт башни, второй — как обслуживание санитарного помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.